

Г. Г. ФЕОКТИСТОВ

АПОСТОЛ ПАВЕЛ
В СВЕТЕ ПОСЛАНИЙ

Геннадий Феоктистов

Апостол Павел в свете Посланий

«Алетейя»

2019

УДК 27-29
ББК 86.37

Феоктистов Г. Г.

Апостол Павел в свете Посланий / Г. Г. Феоктистов —
«Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907189-49-2

Единственным источником знаний о личности апостола Павла являются Послания, адресованные различным христианским общинам, им основанным. Хотя атрибуция большинства их в настоящее время не связывается с именем апостола, тем не менее, о шести из них можно говорить в качестве достоверных. Основной мотивацией предлагаемой книги послужила попытка понять личные психологические обстоятельства, определявшие двигавшие Павлом устремления. Единственными материалами, на основе которых можно бы было попытаться это сделать, являются достоверные Послания. Книга представляет собой процесс чтения Посланий, сопровождаемый по ходу заметками «по поводу», комментариями, ассоциациями. Она ни в коей мере не является узконаучным или богословским трактатом. В приложениях приведены пример реконструкции Послания Галатам Павла, предложенной В. Вальбергом на основе исследований Г. Детеринга и др., а также выписки из Рукописей Мёртвого моря, считающихся одним из источников формирования представлений раннего христианства.

УДК 27-29

ББК 86.37

ISBN 978-5-907189-49-2

© Феоктистов Г. Г., 2019

© Алтейя, 2019

Содержание

Вместо предисловия	7
Замечания о вере апостола Павла	8
Часть I	10
Послание Галатам	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	28
Резюмирующие добавления к «Посланию Галатам»	29
Первое послание Фессалоникийцам	32
Глава 1	32
Глава 2	34
Глава 3	36
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Геннадий Георгиевич Феоктистов

Апостол Павел в свете Посланий

© Г. Г. Феоктистов, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Вместо предисловия

Великие люди всегда вызывают интерес. И в первую очередь как личности. Тем более, если их деятельность определяла ментальную деятельность многих народов. Очевидно, что к личностям такого масштаба относится ап. Павел, определивший духовную атмосферу не только Ближнего Востока и Европы, но и, в конечном итоге, и всего мира на тысячелетия вперёд.

Хотя историческое существование ап. Павла не вызывает сомнений, собственно о личности его известно немного. Описанию его деятельности посвящены написанные задним числом «Деяния Апостолов», достоверность которых вызывает обоснованные сомнения.

Единственным источником о личности Павла являются Послания, адресованные различным христианским общинам, им основанным. Хотя атрибуция большинства их в настоящее время не связывается с именем апостола, тем не менее, о шести из них можно говорить в качестве достоверных.

Основной мотивацией предлагаемой книги послужила попытка понять личные психологические обстоятельства, определявшие двигавшие Павлом устремления. Единственными материалами, на основе которых можно бы было попытаться это сделать, очевидно, являются, на мой взгляд, достоверные Послания. В отличие от многочисленных толкований преимущественно религиозно-богословского толка мне показалось более приемлемым подойти к Посланиям как литературным текстам, прочтение которых позволило бы составить впечатление об их авторе, его психологических мотивах, вольно или невольно нашедших отражение в создаваемых им текстах.

Книга представляет собой, по сути, процесс чтения Посланий, сопровождаемый по ходу заметками «по поводу», комментариями, ассоциациями, навеянными прочитанным. Она ни в коей мере не является ни узко научным или богословским трактатом, коих уже имеется великое множество. Это заметки читателя, желающего составить свое мнение об авторе прочитанного. Не более.

* * *

В качестве тестов для прочтения выбраны следующие Послания (в синодальном переводе):

- Послание Галатам (Гал.) – 48 г. н. э. (57 г.);
- 1 Послание Фессалоникийцам (1Фес.) – 50 г. н. э. (52 г.);
- 2 Послание Фессалоникийцам (2Фес.) – 50 г. н. э. (52 г.);
- 1 Послание Коринфянам (1Кор.) – 55 г. н. э. (57 г.);
- 2 Послание Коринфянам (2Кор.) – 56 г. н. э. (57 г.);
- Послание Римлянам (Рим.) – 57 г. н. э. (58 г.).

Все указанные Послания, кроме 2Послания Фессалоникийцам, считаются принадлежащими перу ап. Павла. 2Послание Фессалоникийцам включено в силу тесной его связи с содержанием 1 Послания. Так что разрывать их мне показалось неэтичным. Даты написания указаны по европейским источникам. В скобках – даты, принятые Православной традицией.

В приложениях приведен пример реконструкции Послания Галатам Павла, предложенного В. Вальбергом на основе исследований Г. Детеринга и др., а также выписки из Рукописей Мёртвого моря, считающихся одним из источников формирования представлений раннего христианства.

Замечания о вере апостола Павла

Бог сотворил неверующих в желании утвердиться в абсолютности святости.

Насколько Павел верил, что он проповедует «подлинное слово Божие», а не своё видение его? Напрямую он почти нигде не утверждает, что «передаёт» слово Божие, но, скорее, говорит о своих особых полномочиях в проповеди его, данных через «Видение».

«Бог и мир» стали разделяться не только в гностицизме, но и в христианстве (может быть ранее него) по мере отдаления его от иудаизма.

Этот дух разъединения – общее настроение общественного духа эпохи начала нашей эры, его нравственных образцов, перемещаемых от мира природы – тварного мира в надмирные сферы божественного. Бог отделился от космоса, стал ему враждебен. Точнее, он стал иным, самостоятельной и самодостаточной сущностью.

Человек стал «временно» проживать в этом мире, проходя своего рода испытание на «пригодность» к дальнейшему существованию в высших мирах в качестве своей идеальной сущности.

Для гностицизма Бог и Мир – это две несоприкасающиеся сущности. Бог принципиально идеален и непознаваем и не может быть творцом грешного мира. Мир – творение низшего принципа – Демиурга.

Павел отрицает «Закон» Моисея, гностики – закон Космоса (силу, власть). Т. е. для всех витает дух отрицания «порядка» («закона»). Тому же следует и евангельский Иисус: «Не мир принёс я вам, но меч» и т. д. «Закон» отрицается как фактор внешнего «надчеловеческого» принуждения. Но ощущается потребность его замены внутренней мотивацией к признанию необходимости, тем не менее, придерживаться какого-то порядка, объявляемого новым, высшего происхождения, освящаемым высшим авторитетом надмирового уровня, т. е. божественным абсолютном. «Необходимость» по отношению к порядку переходит из «внешнего» качества во «внутреннее» («по убеждению» – К. Маркс). Его всеобщность («Объективность») переходит в видимую локальность («Субъективность»). По крайней мере, в сознании субъекта ее приложения.

Говоря о скором уходе из «мира», Павел готов покинуть его не оглядываясь, без сожаления: его («мира») роль как подготовительного этапа уже сыграна. Бог ждёт нас!

Сам он уже обрёл «Внутреннего Бога» путём отказа от веры в самодостаточности самого себя, в обретении *arête* – добродетели. Высшая добродетель отныне для него – упование на Господа, признание абсолютности этой зависимости. Ср. с признанием греками рока, судьбы. Для него его судьба – Господь, определяемая предопределением. Личность перестала быть личностью как самодостаточной сущностью. Бог одаряет благодатью только «своих».

«Прозрение» Павла, очевидно, было воспринято им через образы «смерти» («забвения») и последующего «воскресения», отождествлёнными им со смертью и воскресением Христа. С темой, ставшей психологической основой его поведения (негативная доминанта, которую он сумел превратить для себя в позитивный мотив своего существования). В результате его припадка, связанного с частичной потерей памяти и трансформацией его личности, негативная доминанта стала доминирующей с переменной знака оценочности на позитивную. Возможно, этому способствовало вмешательство типа психологического внушения, проведённое, например, Ананием в Дамаске, или кем-нибудь другим. Кстати, от последнего Павел мог усвоить часть терминологии ессеев, типа «сынов света» и «сынов тьмы».

При этом изменилось и отношение Павла к Богу, выражаемого в функции защиты его достоинства и силы («Закона»). Т. е. он сохранял статус «пса Бога», сам Бог стал для него иным: богом Завета, но не через силу, принуждение, но Богом дара Завета в любви и заботы.

Он стал воспринимать себя в качестве облечённого особым доверием Бога (в функции подобной Мессии), невольно отождествляя себя с явленным ему в «видении» Иисусом Христом, который, по существу, также являлся посредником – посланцем Бога людям, являя своей жизнью весть об их спасении. Павел эту функцию посланничества воспринял для себя как аналогию жизни Христа: оба пережили «смерть» и «воскресение». Отсюда и идея Павла о жизни «в теле Христовом». Отсюда и его насильственная смерть. Уже вполне реальная.

Павел, сознавая свою «ничтожность», стремился к невозможному: изменить статус человека, сделать его собеседником Бога. Пусть неравным, но осуществляющим право свободного выбора. Сам он сделал свой выбор и увлекал других следовать за ним.

P. S. Обозначенные здесь положения будут неоднократно встречаться далее в том или ином виде, что является вынужденным следованием текстам Посланий.

Часть I

Послание Галатам

Прежде всего, несколько слов об адресате: Кому направлено Послание? Не вдаваясь в подробное изложение этого вопроса, отметим лишь два очевидные положения: 1) оно адресовано жившим на территории Малой Азии, современной Турции; 2) обычно указывается на два возможных района: первый – область центральной части полуострова, сравнительно мало заселённая, и второй – область южного побережья, собственно римская провинция Галатия, населённая, с сетью портовых городов. Учитывая, что Павел предпочитал проповедовать исключительно в областях с развитой еврейской диаспорой и функционирующими синагогами, то следует видеть адресатом жителей именно южных провинций. Контингентом для его проповедей были, скорее всего, люди, вырванные из привычности стиля жизни, имеющие те или иные средства существования невысокого достатка, в том числе и рабы, ощущающие потребность в духовной жизненной опоре.

Но обратимся, собственно, к тексту Послания.

Глава I

Начало его примечательно. Обращаясь к людям, которых он, по-видимому, хорошо знал и которые ему были духовно близки (именно он обратил их в истинную веру!), он никого из них не называет по имени. Собственно, отсутствует само приветственное обращение к людям как своим единоверцам, «братьям по вере». Вместо этого мы видим подчёркнуто значимое обращение некоей высшей силы: «Павел апостол ... и все находящиеся со мной братия» к «церквам Галатийским» которым передаётся «благодать и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа». Павел таким построением первых фраз и выбранным тоном желает подчеркнуть необычность повода для своего обращения и определить позиции каждого для последующего диалога. Себя он ставит в качестве высшей силы, имеющей право судить и оценивать «человеков», ибо он сразу определяет себя в качестве «избранного не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим Его из мертвых» и с высоты подчёркнуто утверждённого положения уже передаёт «мир и благодать» церквам в целом, никого не выделяя и не обозначая. Не отмечает он, кстати, и никого из «своей братии», неявно подчёркивая, тем самым, особенность своего положения в создавшейся ситуации.

В той же фразе Павел продолжает укреплять свою значимость через пространное утверждение сути благодати своего символа веры: «от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, который отдал себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, но по воле Бога и отца нашего».

Очевидно, Павел цитирует уже готовую формулу, устоявшуюся в его сознании. Трудно сказать, явилась ли она плодом его собственного размышления, или он был её «оформителем», но то, что он считал её полностью «своей», вряд ли стоит сомневаться.

Несколько замечаний по поводу этой формулы.

Соотношение очерёдности упоминаний Бога Отца и Иисуса Христа: в первом упоминании «Но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим Его из мертвых» Христос стоит впереди Бога Отца, роль которого сводится лишь к воскресению того из мертвых; далее, сохраняя субординацию Бог Отец – Иисус Христос, Павел акцентирует ударение на спасающей роли Христа от грехов и избавлении от «лукавого века»; Бог Отец присутствует лишь в добавлении «по воле Бога и Отца Нашего». Завершается фраза славословием: «Ему (Христу) слава во веки

веков. Аминь». Т. е., неявно, возможно бессознательно, Павел выделяет Христа в основу своего мироощущения. Он чувствует себя исключительно посланником Христа. Бог Отец для него лишь отец Иисуса и преимущественно этим представляет интерес для Павла. По крайней мере, в данный момент. Ведь цель его отстаивать чистоту христианства от покушений иноверующих.

И ещё одно добавление: для Павла, явно, основной функцией Христа, смыслом Его воскресения, является функция спасителя. В этом он принципиально расходится с линией самого Иисуса, считавшего своей задачей достижения Царства Божиего на Земле через совершенствование человека, обретшего истинную веру в Бога. Для Павла, по крайней мере, в этом Послании, Царство Божие не является предметом первой важности. Пока нужно укрепиться в истинной вере. Хотя он и упоминает об избавлении «от века лукового».

И уже в следующем абзаце (с 1:6) Павел даст волю своему негодованию: «Удивляюсь, что вы от призвавших вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово».

Судя по данной фразе, основным для Павла в сложившейся ситуации было не искажение сути благовестия, но что «есть только люди», которые взяли на себя смелость проповедовать у галатов и стали для них более значимы, чем сам Павел. Павел не может ничего возразить по существу, но факт появления на «его территории» чужих его глубоко задевает; сам он не проповедует на «занятых» территориях и не желает делить свою территорию с другими. Тем более, что расхождения по существу благовестия все же были. Но по ним Павел не желает вступать в полемику. Здесь он непримирим и готов предать их анафеме.

В Павле здесь пробивается иудей, воспитанный на примере ветхозаветного гневливого Бога: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что благовествовали вас, да будет анафема». И тут же повторяет свою анафему: «Как прежде мы сказали, так и теперь, еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (1:6–9).

И подсознательное сравнение «мы» или «Ангел с неба» (положительная коннотация) помимо чисто риторического значения для Павла звучит вполне естественным. Павел в запале считает себя как бы выше ангелов, которые могут исказить суть благовестия, полученного им непосредственно от Иисуса Христа. Интонация этих строк, как и последующих, весьма наступательна. Павел не убеждает, но утверждает. Фразы построены четко и ясно артикулированы, не допускают никакого возражения. Он обличает. Явно звучат интонации Ветхого Завета с Богом указующим и наказующим.

По стилю и психологии таким и должно быть послание периода утверждения нового учения. Именно так и должен отстаивать Павел дорогое и единственное для него учение – благовестие через утверждение своего не «через человека», но избранностью высшей силой, самим Христом. Эта высшая сила даёт ему право провозглашать анафему иным нечестивцам.

Но выдержать претендующую высоту обличителя Павел не может. И он стремительно понижает тональность, переходя на оправдывающийся тон и пускается в пространные объяснения и обоснования своих претензий. Т. е. он демонстрирует тип личности неустойчивый, переходящий от взрыва эмоций к релаксации. Уже в (1:10) он просительно оправдывается: «У людей ли ныне ищу благоволение, или у Бога? Людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым». По сути, Павел ищет извинения своему наступательному вступлению. И между выбором «угождать людям» или быть «рабом Христовым» он выбирает последнее: «Быть рабом Христовым», То, что во всех случаях он «будет рабом», ему не приходит в голову.

Он и есть раб в душе, в своей сути. По своему психотипу Павел убеждённый исполнитель некой высшей воли – «божественной». Для стимуляции его деятельности нужно одобрение свыше: до «обращения» он был рабом «иудейского Бога», после – Христа, отстранив в своём сознании Бога несколько на второй план, но сохранив все его прерогативы. Собственно,

иудейский Бог претерпел трансформацию аналогичную замещению отца сыном в языческих религиях.

Главное – найти господина, нужного именно тебе. Для Павла это Господь. И он верный его раб по убеждению. И в этом его счастье, его жизнь. И Павел пускается в пространные воспоминания о всём пути к Господу, не к Богу Отцу, но к Иисусу Христу.

Но остаётся вопрос: «У каких людей я ищу благоволения?» Кому я должен угодить? Возможно, тем, кто себя считает вровень с Богом? Иерусалимским апостолам, претендовавшим на статус особых отношений с Богом? Собственно, далее он и пытается обосновывать свои собственные особые отношения с Богом через Иисуса Христа.

И в (1:11–12) он, прежде всего, утверждает выделённость своего благовестия – евангелия, которое «не есть человеческое, ибо и я принял его и научился ни от человека, но через откровение Иисуса Христа».

Далее следует рассказ о преображении личности Савла – гонителя «церкви божией», в иудействе пребывавшего и преуспевавшего более многих сверстников.

Павел пишет с видимой гордостью: «и преуспел в иудействе более многих моих сверстников, будучи чрезмерно ревнителем отеческих моих преданий» (1:14). По-видимому, он был достаточно впечатлительным с детства, любил слушать и воображать себя героем отеческих преданий. Вряд ли был физически сильным, чтобы играть активную роль в детских играх. Заметим, что во время смерти Стефана, его роль ограничивалась лишь стоянием в стороне на карауле сброшенной одежды. Но в своём воображении он был безусловно первым. Он, очевидно, был интровертом, углублённым в свой внутренний мир, не столько интеллектуалом, сколько пестующим внутренние переживания. Он вдохновитель, но не трибун харизматического толка.

Но после того, как Бог «благоволил открыть во мне сына своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не пошёл тогда же советоваться с плотью и кровью и не пошёл в Иерусалим к предшествующим мне Апостолам, а пошёл в Аравию, и потом опять возвратился в Дамаск.

Для Павла Аравия стала «сорока днями в пустыне», после которых он вступил на путь Христа уже полностью созревшим. После Аравии он стал Павлом. Для него изменился масштаб мира: из иудейского он стал всеобщим. Создаётся впечатление, что именно в Аравии Павел приобщился к сути Благой вести. Он «прозрел», получив сильнейший эмоциональный импульс «просветления», который изменил его психологическую направленность, его установки, но который должен найти выход в деятельностном начале – проповеди Христовой. Он должен реализовать полученный им импульс и разделить его «с миром». Но для этого он должен пройти ту или иную школу в том же Дамаске, Аравии (?). Ананий (?) возможно был посредником в направлении ессеиста: у Павла часто звучат мотивы отрицания «этого мира», «света дня», «тьмы ночи» и т. д.; он склонен к аскетизму. Последнее, впрочем стимулировалось его личными физиологическими особенностями (болезненностью, склонностью к «видениям»). Но, очевидно, что своё учение Павел не проходил «в церквях» Иудеи, «где не был известен».

Павел, по существу, воссоздаёт канву биографий будущих святых: начиная от предопределения божественного, «когда Бог избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью своей» (1:15), продолжает «испытанием в заблуждении» гонителем истинной веры и через «внезапность просветления» («видения») преобразует его в «раба Христова». Здесь намечены все этапы биографии будущих святых. Тем более, что они опираются на глубинные слои языческого сознания (предопределённость к избранности в лоне матери, период «заблуждения» и т. д.).

Кончает Павел этот эпизод подчёркиванием, что он начал благовествовать без консультации с «плотью и кровью» и предопределён был проповедовать язычникам по велению свыше. Кстати, причины такого выбора психологически не ясны. Он обычно просто констатируется. Христос не был ориентирован на проповедь язычникам. Он был убеждённым иудеем, даже в

рамках Евангелий. Проповедовав в Аравии, Павел вернулся в Дамаск. Т. е. начальным пунктом его деятельности был именно Дамаск. И лишь спустя три года он счёл необходимым пойти в Иерусалим, «чтобы видеться с Петром» (1:18). Павел явно выделял из апостолов Петра, Именно его он хотел видеть. Упоминание о Иакове звучит как бы между прочим.

И далее следует неясное окончание: Павел усиленно стремится убедить своих собеседников, что «я не лгу». Кого он хочет убедить в своей праведности, он не указывает? Такие фразы уместны в устной полемике, но не в текстовом документе.

И завершает описание своей деятельности в (1:21–23). Отметим замечание, которое Павел считает необходимым: «церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, а только слышали они, что гнавший их некогда благовествует веру».

Возникает вопрос: в каких местах свирепствовал Савл, гнавший «в иудействе» истинную веру? «Деяния Апостолов» здесь вряд ли объясняют. И наконец, кто писал это и другие послания? Савл или Павел? И с чем связано изменение имени?

С провозглашением будущей проповеди среди греко-язычных язычников, которые в большинстве своём составляли будущую паству апостола? Учитывая известную «гибкость» техник пропаганды Павла, это можно принять в качестве правдоподобной. Еврей Савл вряд ли вызывал доверие у возможных христиан. В пользу такого предположения говорит и грецизация имен иерусалимских апостолов. Но заметим, что Петра Павел часто называл Кифой. Что за этим скрывается? Сознательное дистанцирование? Или подсознательное почитание еврейских основ своего культурного архетипа? Для понимания «внутреннего человека» самого Павла это существенно.

И наконец, на мой взгляд, представляет смысл обращения к описанию своего пути к Христу. Могли оно быть сколько-нибудь весомым аргументом для неустойчивых язычников в приобщении их к покаянию в свершенном отступничестве. Вряд ли для них представляли значимыми взаимоотношения Павла с иерусалимским христианством. Очевидно, апостолы для них были чем— то далёким и отстранённым. Возможно, даже дальше Христа. Разве что для нескольких членов христианской верхушки. Здесь нельзя говорить о «церквах», ибо церковь как институт сформировалась лишь во втором веке. Поэтому обращение к Галатийским церквам выглядит позднейшей вставкой. Впечатление, что Послание дало Павлу невольный повод для воспоминаний о собственном пути к Христу, т. е. носит характер личного отступления, дорогого для него. Но которое он как опытный пропагандист попытался использовать в качестве примера для успеха в конкретной ситуации. Но здесь, и как увидим далее, личная убедительность приводимых примеров не являлась таковой для его адресатов. И последующих, добавим, читателей.

И наконец, последняя фраза первой части, перевод которой, согласно Н. Райту, звучит как «во мне прославили Бога». Т. е. в собственном сознании Павел почти отождествил себя с Богом, в котором проявился божий промысел. Хотя, очевидно, что это получилось в значительной мере подсознательно.

Глава 2

Павел продолжает своё повествование о деятельности на ниве проповеди христианства, но с характерной особенностью. Он говорит не о собственно проповеднической практике, но об отношениях с апостолами Иерусалима. Именно эта тема наиболее значима для его самолюбия. Общепринято мнение, что ученики Христа в соответствии с практикой самого Христа (и смыслом большинства его высказываний) не занимались активной миссионерской деятельностью среди язычников вне Иудеи. По крайней мере, никаких данных об этом, даже в виде намёков, не сохранилось. Поэтому они не могли иметь какого-либо влияния, в том числе и

организационного, на возникающие помимо них христианские общины в окружающем мире, создаваемых усилиями неизвестных нам энтузиастов, сохраняя лишь моральный авторитет.

В этой связи визит Павла в Иерусалим (через 14 лет!) был обусловлен чисто внутренними побуждениями. Сам он утверждал, что ходил «по откровению» (2:2). Т. е. испытал новое «видение»? Хотя и не добавляет никаких разъясняющих по этому поводу сведений. Но принимая это как побуждающий повод, всё же основным мотивом было стремление утвердиться в глазах апостолов в качестве равноправного члена их группы. Именно Иерусалим для него, носителя еврейского культурного архетипа, внутренне оставался для него центром мира, в котором, к тому же произошло самое значимое для него событие – смерть Иисуса и воскресение Христа. И утвердиться в нём в качестве авторитета было для него важнейшим стимулом для дальнейшей деятельности.

Себя, впрочем, он считал вполне независимым, но для его самолюбия было весьма важным признание со стороны учеников Иисуса, которых, похоже, не слишком почитал, называя их обобщенно: «и предложил там, и особо знаменитейшим», не выделяя их по именам. Т. е. ценность апостолов для него была всё же различной. Были «особо знаменитейшие», с которыми он общался особым образом. Отметим и оборот: «предложил там» в предельно неопределённом смысле, никак не раскрывая. Формальной целью, по утверждению Павла, было одобрение «благостия, проповедуемое мною язычникам».

Т. е. конфликт принял скрытую форму. Противостояние возникло и существовало. Возможно, оно первоначально имело подтекст «моё – твоё» на уровне психологической несоместимости. Комментарий Павла, что «знаменитейшие» не имели для него «ничего особенного» (2: 6), говорит о том, что для него психологическое взаимодействие было важным моментом встречи. Но это было дополнительным обстоятельством в решении основной задачи признания собственного авторитета. В скобках отметим, принятый им вполне авторитарный тон, когда упоминаются его спутники по визиту: «опять ходил в Иерусалим с Варнавою, взял с собой и Тита» (2:1). О том, что Варнава был его спутником и в первом визите можно только догадываться. Также и о том, что Варнава был далеко не рядовым спутником, но и сам видным «апостолом».

И вновь Павел начинает, как бы, оправдываться: «Но они (апостолы) и Тита, бывшего со мною, хотя и еллина, не принуждали обрезать» (2:3). Что, впрочем, было вполне возможным, учитывая что в состав иерусалимской общины ещё недавно входили и еллинисты во главе с Стефаном, из которых, по видимому, хотя бы часть могла быть необрезанными.

Но вину на подобные поползновения Павел возлагает на «лжебратий», которым, как он с гордостью заявляет, ни в чем не уступил: «а вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас, мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у нас»¹ (2:4–5). Свою свободу, т. е. независимость от других апостолов, он никогда не забывал подчеркнуть. Принадлежность этих «лжебратий» Павел, как обычно, не обозначает. Можно лишь догадываться, что они принадлежали к одной из иудохристианских сект. Имели ли они отношение к апостольскому центру во главе с Иаковым не сказано ни слова.

Для Павла важно было утвердить в собственных глазах и в мнении окружающих, что «в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда – либо, для меня не было ничего особенного», ибо «бог не взирает на лицо человека» (2:6), а смотрит на результаты его деятельности. А Павлу было что предъявить в отличие от своих оппонентов. И, по-видимому, без особой охоты, но те согласились разделить сферы действий: «мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных... и узнав о благодати, данной мне, Иаков, Кифа и Иоанн,

¹ Терминология, используемая Павлом, впоследствии стала квалифицироваться в качестве симптоматики паранойи: «лжебратия», «проникли, чтобы выследить», и т. д. В устах Павла – это характерные отзывы о своих оппонентах по проповеди.

почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам и идти к язычникам, а им к обрезанным» (2:7–9). Т. е., согласно Павлу, он получил полное одобрение и согласие на дальнейшую деятельность. Как и Варнава. Между прочим. Согласие было дополнено признанием необходимости помощи «нищим», внесённым, по-видимому, по предложению Павла. Иногда он был неплохим дипломатом. Тем более, что это соответствовало его внутренним убеждениям. Еще раз отметим, что апостолы называются еврейскими именами. Изменение в предыдущей фразе на «Петра», возможно, позднейшее.

Некоторые дополнения к вышесказанному: а) о сути дискуссии Павел, по обыкновению, ничего не говорит. Но, по-видимому, дискуссии были достаточно нелицеприятные, учитывая глубину разногласий. Особенно по бытовой ритуальной сфере (обрезание, кошерность, суббота и т. д.). Согласие было явно вынужденным. Было зафиксировано реальное положение дел: каждый получил то, чем «владел». Того единства христианства, к которому стремился Павел, не получилось. Наоборот, начали выкристаллизовываться два направления: иудеохристианство и условно – «языческое» Павлово. С ярко выраженным этническим водоразделом. Впоследствии Павел стремился уменьшить эти расхождения, будучи теологом – практиком, а не схоластом – теоретиком. Но его усилия оказались тщетными; б) «Апостолы – столпы христианства». Павел продолжает мыслить в категориях Храма, единство которого он не желает подвергать сомнению. Он, несмотря на свою критику их, внутренне принимает их авторитет. Это у него в крови. Отсюда и побуждения для предложения «помощи нищим». Это та же храмовая десятина; в) отметим и расчетливую замену «мы», «нас» в (2:4), относящиеся к Павлу и его сторонникам, в фразе «борьбы за нашу свободу» на «вас» в (2:5), дабы истина благовестия сохранилась у «вас». Павел был достаточно расчетливым дипломатом: в споре с несогласным оппонентом нужно смягчить разногласия, польстив ему; г) И ещё один штрих: апостолы пожали руки ему и Варнаве, тем признав их равноправие в миссии. Павел внутренне с этим был явно несогласен, исходя из дальнейшего разрыва их отношений.

Но продолжим наше чтение.

Павел волнуется о наболевшем: он переходит к изложению конфликта с Петром в Антиохии (здесь Петр. Где речь идёт о возможных конфликтах, там чаще появляется Петр). Отметим, что Антиохия была независимым от Иерусалима центром христианства, но значимым и для Павла и Петра. Сам термин «христианство» появился именно в ней. Отсюда их внимание к Антиохии. Павел не уточняет ни своей цели пребывания в ней, ни Петра. Он сосредоточен на самом вспыхнувшем конфликте. Очевидно, что христиане, с которыми сел за стол Петр, были из необрезанных. Но по прибытии «некоторых от Иакова» стал «таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных» (2:12). Опасения Петра разделили и другие иудеи, включая Варнаву (прибывшим с Павлом?). Павел не смог сдержать своего негодования перед их «отступничеством» и обвинил их в лицемерии. Для него лишь те христиане, кто «не живёт делами закона, но только верою в Иисуса Христа, чтобы оправдаться верою в Христа, а не делами закона» (2:16). И добавляет в качестве решающего аргумента: «ибо делами закона не оправдывается никакая плоть!» (2:16). Не поясняя связи между «делами закона» и «плотью». Павел в послании вообще не останавливается на каких-либо объяснениях, он утверждает тезисы, афоризмы. Тем самым использует приёмы публичных выступлений. Впрочем, это неудивительно. Он фактически и произносит текст, диктуя его и увлекаясь движением его в эмоциональном развитии. И последующая его аргументация носит внешний ораторский характер: «Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак!» (2:17). И далее переходит на привычный для себя набор утверждений: «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (2:19–20). Повторяя, по сути, свой символ веры, но суженный до отношения «меня» и Христа. И заключительный, возможно, важнейший психологически для

Павла тезис: «Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (2:21). В этом тезисе вся суть существования Павла. Он не живёт своей жизнью, но иной: он уже «во Христе» и плотские установления Закона лежат вне его земного существования. Как и всякий, живущий в «ином», он отвергает и жизнь «мира сего» и его Бога. Он «в теле Бога» (Недаром Павла обвиняли в гностическом искривлении). Но в «Господе», ниспосланным Богом Отцом, которого чтители иудеохристиане и иудеи. Павел, погруженный в «еврейство», внутренне не может преодолеть этого раздвоения. Внутренне он еврей, но живущий в «теле Христовом».

И эту жизнь во мне Христа не может ни создать, ни укрепить никакой закон, никакие установления. К этому можно прийти только чувством, укреплять это чувство неизбывной верой, что «Христос не напрасно умер». Жертва принята не только Богом, но и людьми. Их верой!

Н. В. В главе описан один из первых, обозначенных в литературе, конфликтов по поводу существа христианского самоопределения, роли догматов и отражающих их ритуалов.

Что значит быть христианином? Вера или ритуал? Является ли знаковым для христианина отказ от иудейских установлений? – Конфликт обнажил всё различие мнений и остроту разногласий. К ним можно добавить и другие вопросы: Что есть народ Божий? Подлинный Израиль Божий?

Для Павла он состоит из одной личности – Мессии, являющейся единственным подлинным Израилем = Сыном Человеческим. Все, в том числе и иудеи, теряют свою идентичность прежнюю при обретении новой, принесенной воскресшим Мессией. При создании символики новой идентификации Павел пользуется привычным приоритетом Израиля Библейского – символа иудейской исключительности.

И последнее. Аргументация с обеих сторон конфликта носит очевидное иудейское происхождение. Другой они не владели. Ведь христианство пока лишь иудейская секта с неясным будущим.

Отступление: о проповеди

Проповедь любого толка, особенно претендующая на изменения мировоззренческого уровня, эффективна среди людей неустойчивого социального статуса (в том числе и интеллигенции) и в местах значительного скопления людей, пребывающих в условиях достаточно развитого коммуникационного воздействия. Такие условия и раньше и теперь создаются в условиях достаточно крупных городов, особенно столичных и портовых, в среде социальных низов и близких к ним, представляющие их люди выбиты из устойчивых социальных связей, озабочены каждодневным выживанием и, очевидно, восприимчивы к стремлениям надежды и «любви» как средства заботы и сострадания и взаимопомощи. Они нуждаются не в «религиях наказания», характерных для языческих обществ, но в «религиях спасения», ориентированных на обещания «нового мира» существования здесь, на Земле.

И Царство Божие, которое они увидели частично через иудаизм, но преимущественно в христианстве, освятило их дальнейшее существование. Недаром многие ранние христианские общины носили в той иной степени коммунистический характер. Наиболее последовательные из них унаследовали от иудеев – ессеев полный отказ от собственности. Это был принципиальный момент в истории общественной мысли (европейской). Собственность делает невозможным «истинное», угодное Богу, совместное существование людей как общности (в отличие от киников, которые паразитировали на остальном обществе). Провозглашалась возможность производящего общества без частной собственности при сохранении общей (в

Кумране; в Дамасской общине признавалась и частная). Впоследствии этот принцип унаследовали христианские монастыри.

Разница в практике проповеди среди язычников и иудеев была в отношении к Закону. Для язычников Закон был пустым местом, для иудеев – святой книгой, законом жизни, символом Завета с Богом. Исполнение его было актом благодарности Богу. Требовать от язычников соблюдения Закона – значит заведомо усложнять действенность благовестия. И если контингент неофитов включает некоторое приобщение и принятие иудаизма («покорные Богу»), то суть полемики становится частично понятной: и Павел и иудеохристиане не проповедовали среди девственно невинных язычников (в том числе и знакомых с разновидностями обрезания), но среди городских низов, частично знакомых с представлениями иудеев. Например, в зоне влияния синагог. Именно для них возможны колебания применительно принятия Закона, в том числе в части обрезания. Для носителей еврейской культуры такие колебания, как правило, не возникали. Примером может служить тот же Иаков, формально возглавлявший Иерусалимскую общину, равно как и наследовавшие ему родственники Иисуса. В среде «чистых» язычников то же исполнение обрезания, если и воспринималось, то в рамках, существующих в их обществах обрядов. Отвергнуть Закон для евреев значило отказаться от привычной для них картины мира, изменить их культурную матрицу. Причем не совсем понятным образом, ибо отрицания не носило характер полного отказа: Бог оставался прежним, но отказывался даже не от собственно Закона, но от знаковых идентификаций принадлежности соблюдения Закона. А Павел, фактически, не требовал большего.

Те же трудности возникали и перед самими проповедниками, апостолами, еврейского происхождения. Они, вне своего желания, пропагандировали за изменение картины мира, внутренне оставаясь иудеями. Отсюда и путанность сентенций Павла, натянутость его логических построений. Он не смог сам сменить свою культурную матрицу, оперируя доказательствами, построенными на материале Ветхого Завета.

Проповедь среди иудеев очевидным образом провалилась. Остались лишь городские низы, «покорные» Богу, их семьи и сопутствующие. В отличие от Христа, апостолы даже не пытались проповедовать в сельской местности. Выделить в качестве благодатной среды естественно можно женщин. Причём безотносительно социального статуса. Но здесь очевидная психологическая гендерная предрасположенность. Для них, как показала жизнь, действительны примеры из Ветхого Завета, воспринимаемые в качестве эмоциональных аналогий, и рассуждения, уместные в чисто иудейской среде. Для язычников, не знавших вообще о существовании Ветхого Завета, эти примеры могли впечатлить лишь в преломлении известных им верований. Но Павел, с присущим ему высокомерием иудея, не интересовался «ложными богами». Он был вестником «Бога указующего». Он увлекал своих неустойчивых слушателей лишь на непродолжительное время, периодически гневаясь на них за «отступничество».

О существовании «Павловых общин», ведущих своё происхождение от проповеди Павла, не сохранилось никаких сведений, даже в преданиях.

Глава 3

N. V. Замечания о деятельности Павла.

Павел – фанатик, человек не от мира сего, погруженный в «видение» и оставшейся в нем навсегда. Он погружен в него и воспринимает остальной мир как нуждающийся в немедленном спасении. В этом он видит свою миссию, он предназначен для неё. Он может говорить и думать только об этом и оценивать происходящее только с заданной точки зрения. Суть её посланий одна: крест и Христос. Именно Христос, а не Иисус, который его, в сущности, не интересует. Поэтому его послания малосодержательны с интеллектуальной точки зрения, хотя и наполнены эмоциональными экзерсисами. Они сводятся к гневливым комментариями «по поводу», но

чувства и энергия в них высказанные подкупают. Но это не сознательная целесоустремленность разума, но эмоциональная зомбированность верующего. Как мыслитель он, очевидно, слаб. Но полностью состоялся как проповедник, Харизмой не обладая, он был, по-видимому, убедителен в спокойном собеседовании. Он закладывал зёрна в личных беседах, но в выращивании далеко не всегда добивался успеха. Недаром многие основанные им «церкви» быстро сходят со стези «истинной веры», подпадая под влияние, например, движений близких к иудохристианам. Лишь события 70 г. и гибель иерусалимской церкви с её мертвящим догматизмом позволили освободить дорогу для «языческого» христианства. Тогда и были использованы ростки, заложенные Павлом. Но, скорее, из прагматических соображений ритуалы иудаизма, наиболее непонятные и раздражающие паству, были преданы забвению без всяких ссылок на Павла. Восторжествовала теория «дел» совокупно с «верой». Была признана необходимость многих положений Закона в каждодневной практике, да и весь Закон в целом был включен в канон. На основе примера иудаизма начала формироваться организация церквей и их единого центра. В появившихся Евангелиях реминисценции по его поводу, а параллельные места цитируются без ссылок. Лишь во втором веке его имя вновь возникает из забвения, Скорее всего, это связано с деятельностью Маркиона. О нём пишет Лука в «деяниях Апостолов». Некоторые ссылки усматриваются у малоазиатских епископов.

Сам Павел не оставил после себя сколь-нибудь заметных учеников и последователей. Его характер не позволял сделать это. А Лука и дальнейшие авторы явились лишь творцами мифа о Павле.

Но вернемся к тексту Послания.

Для Павла конфликт носил глубоко личный характер, переживаемый ежесекундно, ежедневно. И оттенки личного переживания возможности отступничества выплёскиваются в эмоциональных обвинениях в адрес галатов: «О, несмышленные Галаты! Кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?» (3:1) И вновь первый вопрос: Кто? звучит в негодующем возгласе Павла. Но не менее важным для него было прозвучавшее недоумение: Как вы могли отринуть истину? Вы, перед глазами которых «был распят как бы Иисус Христос?» Очевидно, что здесь в сознании Павла происходит перенос собственных переживаний образа Христа на собеседников. Отсюда и непонимание им мотивов галатов. В собеседниках он был склонен воспринимать отражение собственных видений. Для Павла этот «как бы распятый Христос» был всегда перед глазами. Это было видение, не оставлявшее его не на миг.

И далее от недоумения он переходит к «устыжению» их переменчивости: «Сие только хочу знать от вас: через дела закона вы получили Духа или через наставление в вере?» (3:2) Т. е. Павел подчеркивает ниспосланность благодати Духа через готовность верою.

И вновь отметим, что обращение такого рода и противопоставление Закона и Духа, скорее, уместно при обращении к тем, для кого Закон имел непреходящее значение, т. е. к иудеям, чем к недавно обращённым язычникам. Но Павел, как это уже говорилось, всех видел лишь в зеркале собственной картины мира.

И завершающий аккорд, уничтожающий галатов в глазах Павла: «Так ли не смыслены, что начав духом, теперь оканчиваете плотью?» (3:3). Отождествление «закон» – «плоть» – «грех» (проявляющийся преимущественно в нарушении этических норм, осуждаемых, кстати, Законом) было весьма значимым уничижаемым аргументом в полемике с противниками. Очевидно, преимущественно, с иудохристианами и иудеями, для которых Закон сохранял священный статус Завета, верность которому обозначалась обязательностью исполнения ритуалов.

Но Павел продолжает полемику с новообращёнными ревнителями Закона: «Подлежащий вам Духа и свершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?» (3:5). Фраза двусмысленная, её можно отнести и к Павлу, «наставля-

ющему в вере Христовой и непосредственно к самому Христу, «производящему чудеса». «Чудеса» здесь носят чисто риторическое значение.

И в последующей аргументации Павел верен себе. Впечатление, что находится в Иудее, а не в Малой Азии: «Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. Познай же, что верующие суть сыны Авраама» (3:7) – аргумент, весомый для правоверного иудея, но ничего незначащий для малоазиатского галата.

Так к кому же обращался Павел? Исходя из вышеприведённого, ответ очевиден. Вряд ли язычник почувствовал себя польщенным, когда его объявили и приписали к потомкам неведомого ему рода Авраама. Скорее, он оскорбился, ибо и для язычника родовые связи, вряд ли, могли быть так скоропалительно отринуты. Неофит знал только Христа, Нового Бога, Мессию, спасшего его, конкретно, независимо от рода. (Психологически приемлемость такого признания определялась готовностью язычников признавать значимость всех Богов по принципу: «лишний Бог не помешает»; отсюда и храм «Всех Богов» в Риме. Этим пытался воспользоваться и Павел в своей речи в Афинах в «Деяниях Апостолов»).

Здесь его определили в родство с непонятым Авраамом. Но иудей воспринял родство такого вида с восторгом: оно подтверждало его избранность и верность Завету.

Впечатление, что здесь Павел убеждал самого себя. – Ситуация, частая в споре.

И эта аналогия, возможно, пришедшая к нему экспромтом, спонтанно, была эмоционально мотивирована ситуацией с Авраамом, пришедшим к вере через страдание. Достаточно вспомнить эпизод с жертвоприношением Исаака. Хотя сама аналогия достаточно условна и натянута. К тому же, она носит конфронтационный характер по отношению к иудаизму. Но она вытекает вполне закономерно из сути его мировоззрения. Бог создал мир и особый народ – евреев. И приобщение к нему, подражание ему – высшая награда для прочих народов. Христос для него остался, внутренне, еврейским Мессией, А потому, уже отдавая дань христианству: «И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы» (3:8). Вряд ли Авраам подозревал о своей благовестовательной перспективе. Скорее, он воспринимал дар Божий в том качестве, что ему будут покорны все народы, что следует из других текстов Ветхого Завета.

Но мы имеем дело в аргументацией Павла в фактически устной полемике. А в устной, эмоциональной речи восприятие и убедительность аргументации воспринимается иначе: для того, чтобы увлечь слушателей (и себя) строгая логика противопоказана. Здесь требуются иные приёмы, малозначимые, но эмоционально броские сравнения, многозначительность используемых образов и примеров и т. д. Всё остальное доскажет возбуждённое воображение толпы.

Павел, будучи интровертом, мог дать волю своим внутренним эмоциям только вне массовой аудитории. Диктовка посланий, по-видимому, и определялась необходимостью «выплеснуть» бушующий внутри накал страстей, помимо плохого зрения и психических его особенностей.

Но Павел все же был знаком с логикой и, будучи опытным проповедником – практиком, понимал необходимость все же соблюдать хотя бы видимость логического доказательства. И он, по мере возможности, ищет его: принимая в качестве исходного более или менее подходящий пример, обычно текст из Ветхого Завета, он через довольно натянутую аналогию переходит к желаемому «доказанному» результату, который он уже искренне считает абсолютно достоверным. Иногда, заметим, он не забывает «исправить» и исходную цитату. Для убедительности. Но аналогия – это не доказательство.

Итак, «верующие благословляются с верным Авраамом, а все утверждающееся на делах закона, находятся под клятвой» (3:9), безоговорочно осуждаются, хотя в писании об этом нет ни слова. Хотя бы в силу того обстоятельства, что самого Закона во времена Авраама не существовало. Но вера требует осуждающего вердикта и Павел «получает» его.

Он не может остановиться и продолжает с железной неумолимостью свою логическую цепь рассуждений: «Ибо написано: проклят всяк, кто не исполнит всего, что написано в книге закона». Что означает, что прокляты будут все, ибо исполнить все написанное действительно невозможно. В этом Павел прав. Но он не хочет принимать во внимание, что любой закон лишь «идеальная норма», обозначающий предел, к которому нужно стремиться по мере совершенствования, Это свет маяка в суете мира. Но для этого нужно признать постепенность исполнения предъявляемых требований к людям, в том числе к самому себе. Для Павла это пока недоступно. Но и он придёт к этому, но позже.

А пока: «А что законом никто не оправдывается перед Богом, это ясно, потому что праведной верой жив будет» (3:12). Т. е. вернулся в исходному тезису.

Но в устной речи «аргументация» такого рода весьма часто проходит, воспринимаясь без возражений. И далее следует повтор, почти в тех же выражениях: «А закон не по вере; но кто исполнит его, тот жив будет им» и совершает «объясняющий» переход к теме Христа: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, весящий на древе)», – игра на использовании однокоренных слов («проклят» – «клятва»), отождествляющая различность их значений, – «дабы благословение Авраамово через Иисуса Христа распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою» (3:13–14). Т. е., получается, что Христос умер не во имя спасения от «первородного греха», но ради освобождения от «клятвы закона». Для доказательства можно использовать и цитату из Ветхого Завета, написанную по другому поводу. Последовательность столь же прямолинейная, сколь и произвольная: требуется обосновать получение Духа язычниками при принятии им веры. Для этого образуется цепочка не связанных между собой ситуаций: Обретение Авраамом веры (через провокацию жертвой Исаака) – «благословение в Аврааме всех народов» – связь «всех народов» с верою Авраама – отвержение Закона (невозможность его исполнения) – утверждение «праведный верой жив будет» – отмена Христом клятвы Закона – вера, даруемая язычникам («нам») – получение Духа язычниками. Всё последовательно, но при чём здесь логика причинно-следственных связей. Очевидно, что рядовой язычник мало что мог понять в этом, но при хорошем исполнении и доверии к исполнителю он мог просто довериться ему. Особенно, если он увлекся звучностью «кимвалом звучащих» имен в устах оратора, каким-то неясным образом связанных с тем именем, в значимости которого можно вполне быть уверенным – Иисусом Христом.

Н. В. Еще раз хотелось подчеркнуть, что создаётся впечатление, что в этом и других фрагментах Павел обращается не столько к братии, но к самому себе, убеждая и убеждая себя в правильности своего предназначения, ища всё новые аргументы в защиту своего права на апостольство. Как известно, многократность повторения – необходимый элемент усвоения, «принятия», тех или иных идей, создания ощущения их привычности, чувства «своего» и перехода на подсознательный уровень ментальности. И когда это происходит, то уже не нужна многократность повторений, но появляется убеждённость владения «истиной». Для Павла, судя по его текстам, этот этап не завершился: он ещё нуждается в самоповторе.

В последующих строках он вновь и вновь возвращается к этой теме, рассматривая ее с различных сторон, добавляя новые аргументы, основанные на новых аналогиях. Но всё же основным адресатом являются галаты и насколько убедительны для них эти аргументы остаётся под вопросом.

Но внезапно, без всякой подготовки, Павел переходит к следующей аналогии: «даже человеком утвержденного завещания никто не отменяет и не прибавляет к нему», используя тем самым язык юриспруденции. Какое отношение к сохранению веры имеют юридические коллизии, ведомо только Павлу. Но аналогия показалась ему удачной и он энергично пытается

развивать её: «Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано, и потомкам, как бы о многих, но как об одном: И семени твоему, которое есть Христос» (3:16). Не важно, что в конкретной ситуации Авраама речь шла с очевидностью об Исааке. Павлу нужно было имя Христа и он без колебаний ему присуждает наследование. И, считая, что Завет о Христе очевидным, легитимированным таким образом, безапелляционно утверждает, что Закон, появившийся спустя четыреста тридцать лет, не может отменять более раннее обетование. И заключительное утверждение, обретшее окончательную форму: «Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; Но Аврааму Бог даровал *оное* по обетованию» (3:18). Комментировать здесь в рамках логики и юриспруденции нечего, но как ораторский приём, особенно для мало образованной аудитории, в качестве резюмирующего вывода он выглядит внешне правдоподобным. А произвольность связей и умозрительность заключений всего лишь малозначимые технические отступления. Главное – нужный результат достигнут.

Пройден ещё один круг повторения и мысль у Павла постепенно и, возможно, у слушателей Послания обретает статус привычности в их сознании. Этому способствует и привычность евреев и античного плебса к использованию юридической практики на уровне быта. Дух «еврейства» (в понимании К. Маркса) буквально витает в сознании Павла.

Но логический практицизм всё же беспокоит Павла. К тому же, будучи иудеем, он не может так просто отвергать Закон, признать его никчёмность. И он выдвигает примиряющее объяснение: «Он (Закон) дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, которому относится обетование, и предан через Ангелов, рукою посредников» (3:19). Добавление (3:20), на мой взгляд, неопределённо и допускает различность добавлений. Но суть, по-видимому, в том, что обетование дано Аврааму без посредников, а Закон передан Моисею руками Ангелов, что снижает уровень легитимации его. Но тем не менее закон был бы легитимен, если бы его можно было выполнить. И Павел развивает своеобразную теодицею, выплескивая всю мощь своего темперамента: «Итак закон противен обетованиям Божиим? Никак! Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинная праведность была бы от закона» (3:21). И далее следует неожиданное утверждение: «но Писание всех заключило под грехом» (!?) И невозмутимо продолжает разъяснять: «дабы обетование верующим было дано по вере в Христа» (3:22). Воистину, когда знаешь, куда хочешь прийти, можно выбрать любые пути!

Само Писание «вынудило» явиться Христа в его вере. Иначе бы «грех, заключивший всех,» был бы непреодолим. И не было бы спасения от него. Тем самым, само писание предрекало отказ от него самого ради исполнения обетования. Но исполнение требует времени. И Бог дал его людям: А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона до того времени, как надлежало открыться вере» (3:23). Отсюда: «Закон» – тюрьма, «несвобода». Но он сыграл свою позитивную роль: «Итак, закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя» (3:25). Тем самым, Закон не случайнен, но необходим, согласно мудрости провидения Божиего. Очевидно, всё вышесказанное может иметь значение только для правоверных иудеев, живущих «под Законом». Но Павел, не смущаясь, переходит к заключительному апофеозу: «Ибо все вы (вновь «вы», а не «мы») сыны Божие по вере в Христа Иисуса: все вы, в Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (3:26–27). Обращаясь к язычникам между прочим, но всё же отделяя их: не «мы», но «вы». На уровне подсознания?

Н. В. Имеет ли Павел в виду какой-нибудь ритуал крещения? Насколько известно, даже обряд омовения крещального не практиковался. Христос сам не крестил. Павел также. Но: терминологию «в Христа облеклись», «в тело Христа», широко использовал.

И, собственно, торжественный финал: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет ни раба, ни свободного; Нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (3:28). И вдогонку, для лучшего запоминания: «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обе-

тованию наследники» (3:29). Поменяв последовательность причины и следствия: Важным становится уже не вера Христова, но наследование. Но это мелочи.

Об убедительности приведённых рассуждений судить не мне, ибо к галатам не принадлежу. Но некоторые уточнения возможны. Несмотря на декларацию о ликвидации различий в своём перечислении, Павел невольно следует своим стереотипам. Обращаясь, как предполагается, к галатам-язычникам он, тем не менее, начинает с «Иудеев» с большой буквы, раба предпочитает свободнорожденному, что, возможно, логично, исходя из «раба Христова», к коим он их причисляет. Да и мужчина предшествует женщине. Но это «оговорки по Фрейду» А в целом, все вы едины в «рабстве Христовом». Это Богово единство и Павлово.

Н. В. Отметим еще одно заимствование христианства у иудеев. Речь идёт о сходстве оправдывающих мотивов: евреи трактуют соблюдение Закона как благодарственный ответ Богу на обещание особого их статуса; Закон для них не есть средство заслужить этот статус – он им дан.

В свою очередь, христиане не заслуживают снисхождения на них благодати Св. Духа, но отвечают на данный им дар верою и любовью. «Спасение» они уже получили через жертву Христа. Добавим, что исполнение спасения предполагает и «страдание».

Если иудейский Бог искал в иудее вассала, то христианский Бог – благодарного в спасении, но благодарного на всю жизнь: и земную и небесную. Но изначально Бог одаривает всех.

Заметим, что вера доминируется в Боге с Авраамом. Собственно, это выбор Авраама, а не Бога. Не важно, насколько он доброволен. Но Бог лишь принимает веру его. И не Бог, как настаивает Павел, а Писание связало веру Авраама со «всеми народами». (Павел в главе опирается на (Abb. 2:4): все те, кто знает верного Бога и сами должны быть верными Ему по жизни.)

Библейская вера – это ответ человека на слово Божие, его обетование. Инициатором всегда является Бог. Он и только он заинтересованная сторона. Человек лишь может отозваться на это предложение доверием и послушанием, Но не обязан. Здесь он абсолютно свободен. С точки зрения Бога ортодоксального христианства. Но любая сделка, всегда имеет подтекст, хотя бы в виде угрозы «ада». Иудей всегда остаётся Иудеем. Даже, если он Бог.

Личное отношение с Богом – важнейшая отличительная сторона христианства. Хотя первоначально оно строилось по типу семейных (Христос, Павел). Знаком исполнения веры было «хриstopодобие», т. е. изменение сущности человека, его «одухотворение», а не внешние признаки типа «обрезания» или ношение креста позднее. Фактически, оно проявлялось в принципах изменения этики общения в общезжитии.

Нужно ли было иудею «спасение»? Никак! Ему нужно было ответить на дар избранности. Для этого достаточно исполнять Закон неотрывно, А вот с этим получалось не всегда. Подводил темперамент.

Еще о ритуале крещения:

У Иоанна Крестителя решающим моментом было покаяние и затем собственно омовение (очищение) водой. Т. е. сначала духовное очищение, а потом внешнее – символическое. В раннем христианстве этот ритуал практически не использовался. О покаянии, равно как и исповеди, ничего не известно. Это дело будущего. О крещении апостолов также ничего не сказано. Но провозглашалось «крещение Огнем и Духом». Лишь позднее крещение стало внешним обозначающим ритуалом.

Глава 4

В ней Павел, несмотря на вроде бы завершённую аргументацию, не может остановиться: увлечшись, он продолжает её развивать, пользуясь найденной аналогией с «наследником».

Очевидно, что слушателем, по – существу, это не даёт ничего нового. Но тем не менее, Павел продолжает убеждать себя, оттачивая и развивая образы из третьей главы: «Ещё скажу: наследник, дотеле, в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего; он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного» (4:1–2). Здесь проглядывает жизненный опыт, связанный с взаимоотношениями в состоятельных семьях, возможно, собственной. Скорее, максимум среднего социального уровня. Человек, выросший в высоком социальном положении, или получивший систематическое образование богослова – толкователя Писания, использовал бы другой лексикон и другие грамматические обороты. Уровень цитирования Писания и навыки изложения позволяют предположить довольно невысокий начальный уровень, дополненный в дальнейшем опытом практического апостольства. Для сравнения, литературный уровень Евангелий и концептуальное содержание значительно выше. Но «Карфаген должен быть разрушен!» и Павел продолжает убеждать «неразумных галатов», повышая эмоциональность наполнения: «так и мы, доколь мы были в детстве, были поработаны вещественным началом мира» (4:3). Масштаб рассмотрения расширяется до вселенского уровня. Оппозиция «вещественному» миру у Павла непримирима, сочетаясь, правда, с признанием творца этого самого мира Бога Отца. Невольно возникает вопрос: когда и чем провинился «этот мир» перед Богом и Павлом, впад в «грех». Как мы увидим позднее, всё дело в материальности «плоти», которая изначально «греховна». Отсюда и обычный перенос «греховности» на мир, существующий в исходной материальности, хотя и по воле Бога.

Но продолжим:

Павел со всей его изначальной верой в Бога Отца стремится дистанцироваться от «этого мира», мира Бога, и приобщиться к высшему Божьему, постепенно склоняясь к уходу в мир небесного, божественного. Он почти не говорит о Царстве Божьем в духе Иисуса. Сам он почти «духовен» в понимании позднейших гностиков. Но, «когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего (Единородного), который родился от жены², подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (4:4–5)³. Т. е. вновь, главная цель прихода Христа – получение усыновления обращенных. При этом, в своём сыновстве они, как бы, уравниваются с Христом. Без упоминания об Аврааме. И: «А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа сына своего, вопиющего “Авва, Отче!”» (4:6). Дух является посланником только для «сердец ваших» – сердец принявших веру. Ещё раз: Дух есть ответ на проявленную веру. Т. е. типология сохраняется иудейская. В дальнейшем, то же утверждали и гностики с добавлением «знания». И лишь по сошествии Св. Духа верующие становятся свободными от рабства Закона: «Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (4:7)⁴. Второй цикл аргументации замкнут. Уровень аргументации тот же, тот же и уровень страстности и убеждённости. Разница в деталях. Павел уже убеждён в собственной правоте, забыв о собеседниках. Почти забыв.

Ибо вдруг он обращается к ним напрямую, вроде уйдя от темы Закона. Он устыжает их, напоминая о недавнем их язычестве. Собственно, только теперь можно действительно удостовериться, что его адресатом были галаты. По крайней мере, в данном отрывке: «Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не Боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание (вновь «знание», а не «веру») от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите ещё снова поработить себя им?» (4:9). Отметим, рутинный выпад в сторону «вещественных начал».

² Т. е. имел человеческое происхождение. К тому же «подчинился закону».

³ Вновь рудимент иудейства: Павел забыл, к кому обращается – к язычникам, но не к «подзаконным».

⁴ Заметим, что по римскому праву усыновлённый получал статус независимого человека, свободного от долгов. В данном случае: освобождался от долгов «грехов своих».

По существу, Павел в этом отрывке предвосхищает гностиков с их: «познание», «вещественные начала», «поработить». Но не забывает о необходимости отдаления от Закона и, хотя и завуалировано, приравнивает впадение в грех язычества возвращению к Закону, отказу от истинного Бога, усугубляя глубину возможного падения. О том, что «вещественный мир», язычество и Закон почти синонимы, уже звучало. И, заранее, несколько нарочито, сокрушается: «Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас». Но возможно и возникновение реальных сомнений, связанных с лежащими в глубине души его комплексами, и болезнями, которые он то скрывает, то демонстрирует в качестве стигматов своей избранности.

Но, желая отогнать от себя такие сомнения, сняв, по возможности, внутреннее напряжение в ходе пространных рассуждений, он стремится снизить накал страстей, переходя на более спокойный, почти извиняющийся, примирительный тон: «Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы. Вы ничем не обидели меня» (4:12). «Ибо все мы – братья» – всеобщий призыв ораторов. Чтобы победить мои и ваши сомнения, «будем вместе». И тогда они развеются. Тем более, что в прошлом у нас были прекрасные примеры для подражания, для продолжения нашего дружеского общения: «что, хотя в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не погнушались им⁵, а приняли меня, как Ангела Божия, как Иисуса Христа. Как вы были Блаженны! Свидетельствую о вас, что если бы возможно было, вы бы и исторгли бы очи свои и отдали мне» (4:14–15). (очевидно, речь идёт о болезни глаз у Павла.) Заметим, что Павел вспоминает о необращенных язычниках, «закоренелых во всяческих грехах плоти», которых он обличал с таким негодованием выше. Но здесь ситуация иная. И Павел, отдавая им должное, тем не менее, приравнивает их к отступникам, хотя не в язычество, но в закон. Что, очевидно, не одно и то же. Но?..

И предаваясь воспоминаниям, он стремится воссоздать атмосферу былой благодати и доверия, в которой проходило их обращение в истинную веру. Используя и чувство сострадания, которое столь явственно, по его словам, они проявили. Было это или нет, но слышать о себе такое всегда приятно. И Павел это учитывает. А потому и не грех вспомнить о своих немощах. Как всегда, в подобных ситуациях он взывает к слабости, но никогда проявлению силы. Для него сила – в силе духа. А тело предназначено для мученичества. Как у Иисуса.

Вспомним, что завершает Павел этот фрагмент страстным пафосным панегириком: «Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгнули бы очи свои и отдали мне»(4:15). После такого признания разве можно было вспоминать о каких-либо разногласиях? Чтобы не говорили о Павле, он был, если не выдающимся ритором, но психологом определённно. Уже невозможно было сомневаться в его искренности: «Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря истину?» (4:16). Лишь ваши враги «Ревнуют по вас нечисто, а хотят вас получить, чтобы вы ревновали о вас» (4:17). И деликатная укоризна в адрес собеседников: «Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас». И призыв к возвращению: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (4:19). Он переходит на доверительный язык семьи, жаждущей возвращения заблудших сыновей, на язык традиции, положенной Иисусом. И продолжает в той же родственной тональности: «Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас» (4:20). Собственно, Павел немного лукавит: его, голос, он непрерывно меняет. Но Павел, несмотря на всю красочность своего стиля метафоры рождения, безусловно искренен. Он физически испытывает боль за рождение каждой общины, он болеет и готов их «лечить» и пестовать до «изображения в них Христа». Но дети так часто бывают неблагодарными и непослушными. И забывают своих родителей, как показали дальнейшая история тех же церк-

⁵ Болезнь Павла могла выглядеть в глазах язычников как наказание Божие. Сам Павел её воспринимал как ниспосланное ему испытание, подобное Христовым.

вей в отношении Павла. А воздействовать на них можно разве что «изменением голоса». И остаётся быть в вечном «недоумении».

Весь этот абзац носит необычный, даже для Павла, личный характер, почти лирический, напоминая, скорее, беседу старого учителя с отбившимися от света «истины» подростками. Он не может уже негодовать, сердиться, заставлять. Ему остаётся только «недоумевать» и задумываться, всё ли правильно он сделал.

Но это минутная слабость. И уже в следующем абзаце Павел вновь возвращается к волнующей его теме. То, что было ранее, в предыдущем абзаце, уже не существует. Дело ещё не закончено и Павел продолжает свои убеждения, ему пришли на ум новые аргументы: «Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона?» (4:21). Павел вновь изменил адресат своего обращения. Вряд ли галатов можно отнести к вдумчивым толкователям Закона. Но продолжим: «Ибо написано, Авраам имел двух сыновей, одного от рабы, второго от свободной. Но тот, который от рабы, тот рожден по плоти, а который от свободной, тот по обетованию» (4:23). Рефрен «рабство =плоть» неизменен. Но следующее «иносказание» выглядит достаточно странным: «Это два завета: один от горы Синайской, рождающей в рабстве, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве, а высший Иерусалим свободен; он – мать всем нам» (4:24–26). Аналогия весьма смелая и искусственная. И вряд ли убедительная для его слушателей: какое им дело до неведомой Агари и горы Синайской в далёкой Аравии? Всё это имеет значение только для Павла (?).

Но тем не менее, отметим используемые символы зла – Закон, Синай и особенно «Иерусалим нынешний», который в качестве сосредоточения зла (Закона) предвосхищает Будущий «Вавилон» – Рим. Неожиданно появляется здесь и антитеза: «вышний Иерусалим» в качестве символа свободы – предтеча «Града Небесного» св. Августина. Всё эти аналогии даже для Павла необычны. Но, если это так, то он могут свидетельствовать о возрастающем интересе его к Небу в качестве олицетворения Царства Небесного, что характерно для несколько более позднего христианства. Надежды на Землю остаётся все меньше. Даже на город Храма – Иерусалим, в котором пребывают апостолы, но с которыми у Павла непримиримая борьба. Там не может быть Храм «истины»! А вышний Иерусалим свободен, так как ни с чем земным не связан, «он – мать всем нам» в свободе нашего Духа, Духа Христа сына Отца нашего Небесного.

И далее следует странное для иудея восклицание: «Ибо написано: веселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами, потому что оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» (4:27). – с их культом семьи и сыновничества. Собственно, это вставка из Ветхого Завета (Ис. 54.1). Но необходимость её и связь с остальным текстом сомнительна. Возможно, здесь проявились отзвуки личного свойства с его неприятием сексуальности?

Но иметь «духовных потомков» для Павла было великой радостью, которую он с упованием высказывает, утверждая в очередной раз желаемое: «Мы, братие, дети обетования по Исааку» (4: 28). Не по Аврааму, получившему обетование, но бывшим отцом не только Исаака – плода обетования по вере, но и Измаила – потомка «плоти». И противостояние рождённых «по духу» и «по плоти» было предначертано свыше. И замыкает цепь рассуждений возврат, не слишком изящный, к теме наследника с ссылкой на Писание: «Что же говорит Писание? Изгони рабу и сына её, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной». (4:30). При этом, как бы уходит в небытие еще недавний восторг по поводу всеобщего равенства: «нет раба, нет свободного», главой выше. Скорее, вспоминаются сцены из Ветхого Завета очищения Земли обетованной от излишних аборигенов.

Внутренняя обусловленность рассуждений Павла его культурной установкой вновь проявляется, возможно, вопреки благости его намерений. Она проявляется как в выборе примера аналогии, так и тональностью самого обсуждения. Терпимость в принципиальных вопросах

для Павла не свойственна. Он готов её демонстрировать в тактических целях, но не более. И в данном Послании в проявляемых эмоциях он последователен в своих конечных устремлениях.

Глава 5

Итак свобода, за которую ратует Павел, это, в первую очередь, свобода от Закона. «Рабство закона» для него нестерпимо: «стойте в свободе, которую даровал вам Христос и не подвергайтесь игу рабства» (5:1). Правда, Христос, если судить по позднейшим Евангелиям, не выступал слишком непримиримо к Закону. Он выступал против преувеличенной строгости его исполнения. В вопрос об обрезании для него просто не возникал. Он был иудей и фарисей. История не поддержала Павла в его полном отрицании Закона, но согласилась в части отмены чисто иудейских ритуалов. А пока: «Вот я, Павел, говорю вам: если вы обрезаетесь, то не будет вам никакой пользы от Христа. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон» (5:2–3). Т. е. логика однозначна и агрессивна: если сказал «а», принимай весь алфавит. Как известно, наиболее непримиримы в частностях сектанты, особенно в период завоевания сторонников: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры». Для любой секты принцип один: Наша вера правая, мы победим! А отступники незамедлительно предаются анафеме.

Но по сути: повтор, ещё повтор. К тому же в пылу полемики нивелирует повод до незначимого: «Ибо в Христе Иисусе не имеет никакой силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью»(5:6). Так имеет значение обрезание или нет?

Но любовь – проблема отдельная. Не она в борьбе за верующих для практики его действия имеет особое значение: Но ему важно изменить символическое пространство самого действия, отделить от прежних символов значащих идолов, «обрезания», носящих внешний характер, заменив их внутренними установками «любви через веру». Но это требует времени. А бороться с идолами нужно сейчас, немедленно. К тому же она наглядна в своей результативности. Для Павла отказ от «обрезания» – знак расторжения со Ветхим Заветом, готовность к принятию Нового. А остальной закон, он в сущности, готов принять. Но не как заданность ритуалов. Но через веру, даруемую благодатью Духа, и ведущую к любви.

Любовь, в понимании Павла, понятие столь охотно им используемое, очевидно, к плотскому её наполнению никакого отношения не имеет. Для него, это принцип абсолютного доверия к Христу и через него к Богу. В этом он созвучен Христу, требовавшего любви к нему. Но для Павла, как человека практики, понятие любви сугубо функциональные: она должна укреплять единение общины. Любовь, в его понимании, – основа взаимоотношений в общине, основанных на благожелательности и взаимопомощи, т. е. на отношениях, во многом заимствованных из практики иудаизма (см. «Декалог»). Хотя заповедь «Возлюби ближнего как самого себя» более, чем спорная, ибо основана на исходной ценности самодовлеющей ценности «самого себя», выступающей в качестве эталона сравнения. Бог в этой формуле вне контекста любви. Но в христианстве – любовь верифицирована Христом, Христос есть любовь.

Для Павла как апостола христианской общины индивидуальная любовь неприемлема даже в качестве привязанности, ибо в зародыше несёт в себе семена разъединения. А о плотской любви он всегда отзывается негативно. Разве можно сказать что-либо хорошего о плоти?

В качестве ближнего в этой максиме всегда подразумевается единоверующий. «Неизбранные» в принципе вне морали. К ним понятие любви и помыслить кощунственно.

Но Павел последовательно возвращается к мучавшей его проблеме: «Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине?» (5:7). Вопрос обращен и к самому себе: Что я сделал не так? И он объясняет отступничество влияние «злых сил мира» в лице «смущающих»: «Такое убеждение не от призывающего вас. Малая закваска заквашивает тесто. Я уверен о вас

в Господе, что вы не будете мыслить иначе, а смущающий вас, кто бы он ни был, понесёт на себе осуждение⁶»(5:10). Итак, виноваты некие «смущающие», которых он, как всегда, не называет. Нежелание открыто обозначить своих оппонентов можно, конечно, называть толерантностью, осторожностью, возможно, предусмотрительностью. Иногда трудно понять владеющих высшей истиной.

И вовсе иронический пассаж, следующий дальше: «За что же гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание?» По-видимому, «смущающие» приписывали Павлу проповедь обрезания? Он об этом прямо не говорит, но, судя по продолжению: «Тогда соблазн креста прекратился бы» (5:11), это именно так. И заключающее пожелание: «О, если бы удалены были возмущающие вас!» (5:12) подтверждает это.

В следующем абзаце следует текст малосвязанных между собой этических положений и призывов, по существу повторяющих вышесказанное. Хотя их общеэмоциональный позитив настрой очевиден. Собственно, стиль такого рода отражает тип мышления Павла, в ходе его естественного проявления, когда он не пытается с усилием строить логические заключения. Здесь выявляет свои чувства с полной искренностью в желании увлечь и примирить, никого не обижая.

Но контекст иногда настораживает: «К свободе призваны вы, братия, только бы ваша свобода не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы не были истреблены друг другом» (5:15). Звучит ободряюще после «я уверен о вас в Господе».

Характерно, что стремление к свободе трактуется как повод «как угождению плоти» и только. Свобода заключена между «любовью к Христу и «угождению плоти». Небогат был выбор для верующего.

И Павел продолжает болезненную тему соотношения Закона и плоти. Выше он отождествил их и развивает в рамках дихотомии дух – плоть (т. е. Закон): «я говорю поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделения плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся так, что вы не то делаете, что хотели бы» (5:17). Павел, по существу, поставил вопрос о противостоянии «супер – Эго» и подсознания, «либидо» в современном понимании. «Грех плоти» для Павла и последующего христианства в целом стал навязчивой определяющей идеей. Для иудаизма принцип воздержания не характерен. У Павла тенденция у аскетизму, возможно, определяется личной конституцией, неявно связанной с аналогичными комплексами Иоанна Крестителя. У последнего, восходящих к эссеистству, «плоть» в его сознании стала олицетворением «чуждых сил мира».

Но Павла беспокоят практические, непосредственные, следствия: «Если же духом водитесь, то вы не под законом». И для убедительности приводит подробнейший снимок «дел плоти», связанный с Ветхим Заветом, отождествляя его с теми грехами, в которых погибают язычники. Заметим, что те же грехи приписывались и самим христианам их противниками. Человек не слишком изобретателен в средствах борьбы.

Едины все: и язычники и «подзаконные». И наказание несут одинаковое: «Предваряю вас, как прежде предварял, что поступающие так Царства Божиего не наследуют» (5:21). Вердикт вынесен со всей иудейской непреклонностью. О спасающей жертве Христа «за всех» не вспоминается. Его жертвы явно недостаточно, необходимо обретение нового качества для желающих спастись: через веру с обретением Св. Духа. Тем самым, демонстрируется проявление «воли» каждого к обретению Царства Божиего. Пока, по-видимому, земного, обещанного Христом.

⁶ Точный перевод: «Те, кто смущает вас, хотел бы, чтобы себя кастрировали». Павел не смущался определённой высказываний. По крайней мере, иногда. Возможно, и здесь ещё игра слов: «кастрация» в этом стихе перекликается с «обрезанием» в следующем. Павел не был изощрённым ритором, но в своих выпадах не пренебрегал пользоваться образными мотивами конкретности.

И только в совпадении двух начал: воли и благодати Св. Духа (как показателя «принятия Богом») возможно спасение и нравственное преобразование. «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (5:22). Именно такую перспективу сулит верующим Павлов идеал.

N. B. Важны и ёлки и плодовые деревья. И без тех и других мир теряет свою полноту. Плодовые деревья не только полезны, но и прекрасны, особенно в цветении. Ёлки колючи, но впечатляющи. Нельзя мыслить утилитарно в духе И. Бентама.

«Плод Духа» сулит благостное существование стада покорно блеющих овец. Недаром одним из символов христианства стал Агнец. А другим – бессловесная рыба.

Если Бог допускает конфликт любого происхождения, то он зачем-то это делает. А осуждают его те, кто стараются приписать Богу утопизм, основанный на страхе и неверии в силу и возможности того же Бога.

И важнейшее для Павла разъяснение: «Но те, которые Христовы, распяли плоть с страстями и похотями» (5:24). Они вне плоти с её мерзостями. Кредо Павла: «жить по христиански» – это претерпевать страсти Христовы в ожидании смерти плоти. Он, фактически, делает первые шаги к разрыву ожидания телесного воскресения в Царстве Божиим, о котором говорил Иисус. Но: «Если мы живём духом, то по духу и поступать должны» (5:25).

А потому, примиряющее пожелание: «Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, другу завидовать». Павел уже вполне успокоился и его внутреннее напряжение явно пошло на спад. Он почти благостен и готов к советам, к миру. Успокоимся и мы и выслушаем их с вниманием.

Глава 6

«Братия! Если и впадёт человек в какое прегрешение, вы, духовные, исправьте такого в духе кротости (об анафеме уже нет и в мыслях), наблюдая каждый за собой, чтобы не быть искушенным. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (6:1–2). И почти самокритично: «Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничем, тот обольщает себя. Каждый да испытает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в других, ибо каждый понесет свое бремя» (6:3–4).

Такие слова мог произнести человек только на основании собственного опыта, подвергавший каждый свой шаг болезненному самоанализу с предъявлением к себе и, в первую очередь, к себе самые жесткие оценки. Для того, кому нести «свое бремя» достойно было содержанием всей его жизни и который оценивать успешность своих действий мог доверить только Богу и лишь себе отчасти, в качестве им избранного. Т. е. речь идёт об автаркической личности, не нуждающейся в оценках со стороны. Т. е. о личности «особенной»⁷.

И процитировав несколько расхожих максим, Павел завершает свое Послание ободряющим призывом: «Так, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (6:10). Отметим: «пока есть время», очевидно, относящееся к отпущенному нам сроку» (до второго Пришествия?), а также «добро делать всем», но с предпочтением «своим». «Свои» всегда как-то ближе.

Павел стал уже совсем благодушен. Он готов любить уж «всех», и добавляет приписку «по-свойски»: «видите, как много написал я вам своей рукой» (6:11). Собственно ручное писа-

⁷ Свою «особенность» Павел демонстрирует на протяжении всего Послания. Но в других апостолах её не находил. Даже в Петре, которого явно выделял среди прочих.

ние, по-видимому, для него было делом достаточно необычным. Болезнь глаз была его крестом. Но ради любезных его сердцу галатов чего не сделаешь!

Но напоследок, он не может удержаться от того, чтобы не выпустить в своих противников парфянскую стрелу: «Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, ибо сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти» (6:12–13). Если понимать буквально, то его оппоненты, хотя и «обрезанные», но закон не соблюдают. Т. е. находятся в том же положении, что и сам Павел. Разница лишь в том, что они «плотские» и не соблюдают Закон, а Павел «духовный», Закон также не соблюдающий? А «обрезание» средство утверждения их власти над обращенными? Что-то здесь не сходится. Но это замечание «по ходу».

Но Павел должен дать выход своим чувствам, возвращаясь к волнующей его теме, не меняя ни слов, ни стиля, ни разнообразия аргументации. Фактически, резюмирует сказанное выше, но в более энергичных выражениях, близких к афористическим: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, а я для мира». Утверждение, врезающееся в память. В стиле оценки «только в себе». И продолжение, не менее впечатляющее: «Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь» (6:15). Здесь впервые намечается линия на преобразование «избранных» в Духе в новое телесное воплощение. И только «новым тварям» «мир им и милость, и Израилю Божию». Царство Божие для язычников здесь отождествляется с Израилем Божиим. Иудей не мог проявиться более зримо. Павел никогда не был ренегатом своего народа. Даже при стремлении завоевать доверие язычников.

Но человек слаб. И подчеркнуть свою особенность и автаркию можно и в покаянии: «Впрочем, никто не отягощай меня, ибо ношу язвы Господа на теле моём» (6:17). С чем связана эта фраза, неясно. Но стигматы избранности для него лично значимы.

Концовка Послания демонстративно суха и лаконична. Никаких приветов и пожеланий. Благословение почти формально. Павел, всё же, не любил писать самолично. Да и гнев его, по-видимому, до конца не прошел. Насколько действенным было это Послание осталось неясным.

P. S. Послание весьма личное и человеческое, почти доверительное. Личность Павла, его пристрастия, отторжения, метания проявляются зримо и увлекающе. Им сочувствуешь, соглашаешься, иронизируешь, отвергаешь, – словом ведешь диалог с живым человеком, которого невозможно воспринимать равнодушно. Его можно принимать, стать его врагом. Но он вынуждает определиться и тебя, его читателя. Ибо он носит «язвы мира» на теле своём.

Резюмирующие добавления к «Посланию Галатам»

О христианстве

В христианстве Бог Отец занимает явно более второстепенное положение, чем Христос, ставший Богом – Сыном, превратившись в него из посредника – приёмного сына. Собственно, то же происходило во многих религиях мира второго и последующих этапов развития: младшие боги становились главными, сын становился полноправным наследником, сбрасывая личину подчиненного, раба. Молодость всегда побеждает. Павел в очередной раз фиксирует эту традицию. Но для него, как правоверного иудея, такая самостоятельность «сына» не допустима. Дух «отцовства» входит в него с детства, а потому все действия «сына» должны быть освящены благодатью Бога Отца. Пусть через Авраама, семя которого предвосхищает появление Иисуса и появление Духа его после воскресения. Собственно, появление Духа Иисуса

и есть действительное воскресение Христа в его деятельностном проявлении. После этого и начинается распространение проповеди Евангелие. В этой особенности зависимости приемственности деятельности «сына» и «отца» есть качественное отличие связки христианство – иудейство от других языческих религий. В них, бог-сын действует, как правило, самостоятельно и независимо, низвергая «бога Отца». Ближайший пример, греческая религия.

В сохранении этой связки и возникает в зародыше идея новозаветной троицы в их неразделимом единстве. Но сформулировано это будет позднее. Для Павла же наследник есть всего продолжатель – посредник в распространении влияния Бога Отца. А он сам – посредник в вере в Христа Иисуса.

Рабство и Закон

Павел переходит от понятной для любого еврея связи физического рабства (египетского) с рабством у ложных богов к аналогии отождествления последних с рабством Закона. Собственно, именно тогда он впервые прямо использует аналогию, понятную для язычников. Причём тождество Закон=ложные боги предполагаются очевидными для слушателей. Закон по своему принудительному воздействию такой же, что и ложные боги. Что-то похожее должны были думать новообращённые. Да и сам Павел в пылу полемики готов подписаться и подписывался под таким отождествлением. Отождествление с «немошными и бедными стихиями», миром «греха и плоти» при этом сохраняется. Ключевым словом для такого рода отождествления является «рабство», как таковое. Точнее, антитеза «рабство» – «свобода». И Павел при каждом удобном случае применяет и применяет его, буквально вдавливая его в головы сомневающих, превращая его в своего рода якорь (в понимании НЛП) для вызывания нужных эмоций отторжения от заблуждений «истины». Рабство египетское, рабство закона, рабство плоти и рабство греха – всё это одно и тоже рабство и должно быть исторгнуто из сердца верующего при одном только произнесении этого слова.

По существу, для Павла «свобода от рабства» есть лишь подчинение («добровольное») «Истинному Богу». Но свобода от одного бога предполагает свободу для другого бога. Т. е. рабство под одним Богом. Пусть с любовью, но рабство.

О вере

Для Павла вера в Иисуса как воскресшего Господа является первым знаком обновления верующих и свидетельство принадлежности их новому сообществу. Только знаком, но не сущностью их бытия, как это должно быть. Он не очень заблуждался на сей счет.

«Вера», как он убеждался не раз на собственном опыте, только знак о намерениях, выборе направления жизни, но не сама жизнь.

В этом она равноценна с «обрезанием», как символом. Недаром у Павла они сопоставляются в равном качестве.

«Жить по Духу, к чему призывает Павел, как выясняется, значит жить по Закону, ибо, как он сам говорит, что «против этого нет закона». Отождествление Закона и «плоти» здесь не работает, – часто встречающееся у Павла противоречие. Но подтверждающее, что «обрезание» лишь знак ничего незначащий. Для Павла суть в том, чтобы, не цепляясь за частности, сохранить общую направленность веры в Христа, как для своих сторонников, так и для иудеохристиан. Но «прежде чем объединяться, надо разъединиться» – этот принцип и исповедует Павел: надо выделить эти частности, чтобы можно было их отбросить, показав их «частность». Или приучить считать их «частностями». И жизнь подтвердила правильность такой установки: ограничения в еде, обрезание и т. д. были отброшены, но сохранилось и было признано основное ядро Закона – нравственные установления.

О языке

Читая Послания Павла, невольно возникает вопрос о доступности для восприятия на слух галатами, особенно учитывая низкий культурный их уровень, языка, которым пользуется апостол. Языка созданного иудейскими богословами и назначенного для функционирования в достаточно развитой иудейской культурной среде. Или его слушателями были люди, владевшие в той или иной степени, этой культурой?

Первое послание Фессалоникийцам

Глава 1

Послание начинается достаточно традиционным приветствием с представлением себя «со товарищами» церкви Фессалоникийской «в Боге Отце и Господе Иисусе Христе» в качестве посредника в передаче «благодати вам и мира от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (1:1). В одной фразе Павел с самого начала общения устанавливает принципы субординации со своими адресатами, отводя себе роль ведущего посредника в контактах между Богом и фессалоникийцами, строением фразы подчёркивая особенно приближённый статус авторов, точнее, первого, выделяемого положением в перечне, по отношению к Богу Отцу и Иисусу вплоть до неявного отождествления с ними. По крайней мере, при общении с верующей братией. Но он не забывает упомянуть общность «Бога Отца нашего» как символа общности судьбы их, хотя бы рамках уже устоявшейся формулы.

Отметим, что Павел иерархичен и в соблюдении титуларизации божественной пары: Бог Отец всегда на первом месте (Павел остаётся всегда евреем), на втором – Иисус Христос, с почти всегда Иисусом в начале. Христос – конечная высшая ступень его статуса, воплощаемая в Господе. По-видимому, для Павла Бог Отец и Христос всегда были личностно различными сущностями. Вспомним, что уже в иудаизме Бог приобретает личностный характер (см. Элиаде М.). В христианстве Бог расширяет свой титул до Бога Отца, Иисус становится Мессией Христом и у Павла Господом, заимствуя вполне земной титул императора – «владыка». Т. е. некий божественный посланец, носитель, в дальнейшем, некоего сущностного атрибута Бога – Слова, артикулированного послания Бога в явленности Его мысли.

Хотя по Ветхому Завету Бог есть сущее и только, т. е. в принципе неявленное и непознаваемое, Моисей, тем не менее, общается с Богом напрямую. Христианство продолжило олицетвлять коммуникативность Бога Отца через введение функционалов Бога: Мысли – Слово – Христа.

Правда у Бога Отца проявляется характерная особенность: Он через Иисуса декларирует, призывает к любви. Но сам не проявляет её фактически в действии. Даже искупительная жертва Иисуса выглядит расчетливо проведённой операцией, режиссурой с заранее известным финалом, затеянной для сбитых с толку жизненным хаосом народных толп, позволяющей сделать их управляемыми в духе вполне современных технологий. Для Бога такое поведение масс естественно не представлялось загадкой – исход был известен заранее. Но речь шла лишь о том, чтобы они сами этому верили и самоуправлялись в желаемом качестве, не доставляя хлопот божественному покровителю – Господу. А он придёт. Когда время будет.

Собственно, об этом пишет и Дж. Райт в своём комментарии к посланию в рассуждении о молитве: «сущность молитвы ... не столько для получения удовлетворения от такого познания (познания Бога – Ф. Г.), хотя и это имеет место, сколько ради приведения к Богу (выделено мною – Ф. Г.) церкви и мира, так нуждающихся в его исцеляющей любви». Точнее, хоть в какой-то защите и руководстве.

«Бог есть любовь» – фраза, клише, брошенная в массы. Её реализуемая польза содержится в «приведении к Богу» и вполне созвучна современным призывам «о приведении народов к свободе», в которой так «нуждаются» неразумные народы (сиречь «язычники», «варвары»). Реальность воплощения этой любви вполне грубая и беспощадная, о чём свидетельствует история в целом, христианства в частности. Уже у Павла явственно проступают рецидивы нетерпимости, рождаемые его еврейским подсознанием. Ветхий Завет здесь неистребим.

И ещё одна обмолвка, весьма необычная: «»труд любви». Любовь для Павла есть поле деятельности, это не эмоции, не чувства, но необходимая работа, это долг христианина.

Но вернёмся собственно к Посланию. Павел продолжает, не останавливаясь, напоминать о своей роли и неуспешных заботах в произошедших с ними изменениях: «Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая вас в молитвах наших» (1:2). И обозначая свою роль посредника в общении с Богом, благодаря Его «за всех вас».

Отдавая должное рвению фессалоникийцев: «непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпения упования на Господа нашего Иисуса Христа перед Богом и Отцом нашим», с одной стороны, благодарит их за усилия в деле веры и труде любви», но, с другой стороны, считает необходимым оценивать их заслуги как бы сверху, дистанцируясь в качестве некоего верховного судьи. Речи о совместности трудов о приобщении к Богу не возникает. Он никогда не забывает напомнить особую свою значимость не столько, и не сколько проповедника, но учителя – руководителя, посредника наряду с Иисусом Христом «в уповании на Иисуса Христа перед Богом и Отцом нашим» (1:3). Общность отцовства «нашего» и Иисуса Христа знаменательна, говорящая о кардинальной перестройке картины мира и характера общения с Богом в сознании Павла.

«Зная избрание ваше, возлюбленные Богом братия» (1:4) – здесь можно видеть очевидное желание подчеркнуть особый «избранный» статус новообращенных, «возлюбленных Богом». Наряду с искренним пониманием и принятием этого «избрания» Павлом, очевидно использование приёма, типичного в ораторской практике, направленного на стремление обеспечить благожелательную атмосферу общения, расположить собеседников к себе. Если коротко: аудитории надо льстить. При этом вполне естественным образом вплетаются слова и о своей роли в достижении «любви и терпения»: «потому что наше благословение у вас было не только в слове, но и в силе и во Святом Духе и со многим удостоверением, как вы сами знаете, каковы были мы для вас между вами» (1:5). Т. е. как бы мы себя не оценивали, но то «вы сами знаете», мы не покушаемся на самостоятельность вашей оценки нашей деятельности, но скромно присоединяемся к ней.

И ещё одно замечание: «наше благовествование у вас было не только в слове, но и в силе и во Святом Духе». Тем самым, неявно намекается на высший уровень «нашего благовествования», воздействующее, по меньшей мере, на уровнях Слова и Святого Духа.

Далее следует завершающий аккорд: «И вы сделали подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святого, так вы стали образцами для всех верующих в Македонии и Ахайе» (1:6). Здесь происходит пирамидальное наращивание восхваления результатов усилий фессалоникийцев в делах веры до признания их уже в качестве образцовых «для всех верующих». Но и усилий самого Павла, «подражателями» которого они являются. Наряду «с Господом», причём «нам» на первом месте, Так, между прочим, Павел на уровне подсознания как бы уравнивает себя с Ним.

Далее поток восхвалений продолжается: «но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Боге, так что нам ни о чём не нужно рассказывать» (1:8). Павел явно демонстративно тушует, говоря, что заслуги его в этих достижениях незначительны или они, во всяком случае, не нуждаются в упоминаниях, ибо это есть заслуга только самих верующих. И далее, для придания объективности оценке, он ссылается на свидетельство уже «со стороны»: «Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к ним, и как вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и ожидать с небес Сына Его, которого он воскресил из мёртвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева» (1:9-10). И здесь ссылка начинается с «о нас», о тех трудностях, которые «имели мы» («какой вход имели мы к вам»), и лишь затем совершается переход собственно к тому, «как вы обратились к Богу» и т. д.

Для Павла оценка собственной роли в благовествовании слова Божиего, её подчеркивание было психологической доминантой его существования на протяжении всего периода его

практической деятельности, во всех ситуациях общения со всеми собеседниками и обращёнными. В тех случаях, когда он делал попытки, хотя бы из чисто прагматических соображений (см. выше), подчеркнуть достоинства и самостоятельность усилий своих собеседников в делах веры, он, невольно, сбивался на указания исходной значимости своих действий в успешности этих усилий. Подспудное ощущение мотивов собственной неполноценности давило на его внутреннее психологическое состояние. Для данного Послания оно, возможно, усугублялось очевидной неблагоприятной обстановкой в Коринфе, откуда писалось оно (послание это). И нарочито благостное описание положения в Фессалониках, по-видимому, для Павла было средством определённой психологической разгрузки в данной конкретной ситуации.

Глава 2

И Павел продолжает предаваться желаемым благоприятным воспоминаниям: «Вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, где он был не бездейственным, но, прежде пострадав и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедовать вам благовестие Божие с великим подвигом» (2:1–2).

Воспоминания продолжают в том же стиле: не я навязываю вам своё мнение, «вы сами знаете». И далее: несмотря на то, что «мы прежде пострадав и быв поруганы» (в Филиппах), мы готовы были и осуществили благовестие, испытав опасности «страдания». Подчеркнутая скромность («дерзнули») лишь усиливает величину и силу «нашей» жертвенности во имя «вашего» благополучия.

«Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства» (2:3). Возможно, здесь скрытая полемика с конкурентами – проповедниками (ср. борьбу с оппонентами в Коринфе), но одновременно и убеждённая искренность своих побуждений, питаемой верой в высшее своё предназначение: «как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующим сердца наши» (2:4). Павел переключился на обсуждение своих собственных проблем: ему нужно выговориться, разгрузиться. Очевидно, что продолжает внутреннюю полемику с «человеками»: Бог нас «удостоил» нести благовестие, что мы и делаем, ответствуя только пред Ним, но не перед людьми, кто бы они не были. Мы «избраны» – и в этом наша высшая миссия, наш крест, который мы обречены нести, не заботясь о том, как нас будут принимать. «Ибо, никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель!» (2:5)

Вообще говоря, неясно почему Павел счёл необходимым оправдываться перед фессалоникийской общиной, которая, судя по Посланию, не выдвигала против него никаких претензий. Т. е. фактическим адресатом был кто-то другой: или враждебные проповедники, или сам Павел в стремлении успокоить самого себя в своём вечном сомнении. Опору от которого он ищет в стороннем мнении ему поверивших: «как вы знаете».

Но с каким-то неясным упорством он продолжает защищать бескорыстность своих действий в расположенности к уверовавшим: «Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других: мы могли явиться с важностью как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими» (2:6–7). Здесь очевиден явный выпад в сторону «Апостолов Христовых», возможно Иерусалимских, хотя он и сам претендовал на исключительность своего апостольства, освящённого самим Христом. В устах Павла такое именование своих оппонентов выглядит необычным. Так же непривычным звучит его апелляция к Богу («Бог удостоил», «Бог свидетель»), а не к «Господу», которого он всегда выделял в качестве своего патрона – святителя.

И ещё одно замечание: Павел сравнивает своё поведение в общении с фессалоникийцами с поведением кормилицы, выхаживающей порученных ей детей. Такого рода сравнения позаимствовано им из иудейских религиозных текстов, где оно было достаточно распространено

применительно к вновь обретенному божественному расположению (см. например, в гимнах Кумрана). Да и сам Павел эту метафору использует не один раз.

Но необходимо продолжать «держаться в сладостных объятиях воспоминаний» внимающих слушателей: «Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны» (2:8). Поток уверений становится явно чрезмерным, ибо из него следует, что ценность «душ наших» чуть ли не превалирует над ценностью «благовести Божиего». Причем свершаются эти драгоценные дары не по усердию в Божьем повелении, но «из усердия к вам» и потому «что вы стали нам любезны». Павел явно увлётся в своем красноречии.

Но это ненадолго, и порыв позитивных эмоций сменяется воспоминаниями о своём тяжком «подвиге» тогдашних будней: «Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурения: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедовали у вас благовестие Божие» (2:9).

Подчёркивание тяжести своего «подвига» для Павла не просто фигура речи, но углублённое осознание своего жизненного предназначения: нести крест «Христовых страданий». Как бы это не выглядело со стороны. Без свершения их он не может осуществить подлинное «христовоподобие» в Царстве Божьем. Тем же он утверждался и в несении своих телесных немощей.

Но упоминание того, «что мы сами работали», «чтобы не отягощать никого» вновь ненавязчиво противопоставляет его собственное поведение поведению Апостолов, являющихся «с важностью». Возможно, здесь вновь проявляется внутренняя неуверенность, нуждающаяся в неустанности подкрепления благостью собственных поступков.

Заключает рассматриваемый фрагмент Послания подобное судебному вердикту заключение: «Свидетели вы и Бог, как свято и правильно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, и потому вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу» (2:10–13). Т. е. вновь явное попытка оправдания.

Отметим: «вы знаете», повторы «и ...и...и» – чисто ораторские повторы, сопровождающие всё Послание, свидетельствующие об отсутствии последующей обработки текста, после его озвучивания. О том же говорят и очевидная нелогичность переходов между различными фрагментами и т. д. Словом, это запись речей эмоционально увлекающегося, но целенаправленного в своём убеждении проповедника, не доказывающего, но увлекающего своей убеждённостью. Но заниматься этим вне нашей компетенции.

Здесь мы отметим приоткрытую Павлом особенность его проповеднической практики: он описывает особенности своей индивидуальной работы с каждым неопитом, с «каждым из вас», «как каждого из вас» он убеждал вести себя достойно Бога с упорством Отца, заботящегося о будущем «детей своих». Т. е. вновь появляется метафора семейной атмосферы. Очевидно, что основной упор в своей проповеди делал на индивидуальное общение, а не на митинговые выступления. И можно лишь склониться перед упорством воли в трудном «подвиге» сотворения «нового человека».

Выражение обуревающих чувств Павла следует в благодарности за признание тождественности его благовестия слову Божию, т. е. самой истине, и тем самым поднимает и статус Павлова благовестия до уровня непреложной истины: «Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, – каково оно есть по истине, – которое и действует в вас, верующих» (2:13).

Следующий поворот в мыслях Павла отсылает нас к оценке положения в общинах фессалоникийских сравнительно с гонениями церковью иудейских, уравнивая в качестве равнозначных гонения от местных «единоплеменников» с гонениями иудеев, «убивших и Господа Иисуса и его пророков и нас изгнавших и Богу не угождавших и всем человекам противя-

щихся». Которые, к тому же, «препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись» (2:14–16). Словом перечисление всех напастей и неприятностей, выплеснувшихся на Павла в данный момент, используя в качестве исходного близкое ментальности Павла и наиболее болезненно им воспринимаемое положение христиан-евреев. Павел даже не задаётся вопросом, насколько будут воспринимаемы его сравнения для его собеседников; это вне его иудейского воспитания. Они должны разделять его горести и обиды.

Более того, он стремится «с большим желанием... увидеть лицо ваше», чтобы совместно преодолеть возникшие затруднения. К ним Павел не преминул отнести вечное противостояние со своими противниками, так и не назвав по имени, но отождествив их с иудеями, «убившими Господа Иисуса», и препятствующих «спасению язычников» и «через это наполнивших меру грехов своих». То, что «гнев» покарает их в обозримом будущем для Павла несомненно.

И вновь очередной переход к похвалам в адрес собеседников: Павлу необходимо чувствовать непрерывность поддержки в сложное для него время: «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в Его пришествие? Ибо вы – слава наша и радость» (2:19–20). «Венец похвалы» здесь адресуется «Господу нашему Иисусу Христу в день Его пришествия». Для Павла это особенный день, ибо именно в этот день он удостоится высшей для себя похвалы через спасенных благодаря его трудам. Второе Пришествие для него и личное событие.

А пока Павел возвращается к основной фигуре своего благовестия в обретенном успокоении и переходя к практическим моментам Послания.

Глава 3

Беспокоясь о создавшемся положении в церквях Фессалоникийских, он напоминает о своей тревоге по этому поводу и посылке «Тимофея, брата нашего и служителя Божиего», «чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо сами вы знаете, что так нам суждено» (3:1–3). Предопределённость страданий во имя веры, как говорилось неоднократно, для него стала привычной установкой, воспринимаемой в качестве дарованной свыше. И он старается приучить и фессалоникийцев к принятию в качестве такового своего будущего: «Ибо мы и тогда, когда были у вас, предсказывали вам, что будем страдать, как и случилось, и вы знаете» (3:4). Но Павла больше беспокоит о причинах возникших трудностей и он ищет их во внешних силах: «Потому и я, не теряя более, послал узнать о вере вашей, чтобы не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш» (3:5). Кого конкретно имел в виду в данном случае Павел остаётся за границами Послания, но это могут и конкретные люди и некие «демоны», наполняющие воздух своим отравляющим присутствием. Ибо он, как истинный еврей, разделял языческие народные представления о «нечистых», провоцирующих людей на свершение «греховных поступков», противных божественной воле. И Павел демонстрирует свой изначальный фатализм: «вы знаете, что так нам суждено». Возможно, он продолжает свою аналогию с гонениями «церквей иудейских».

Но Тимофей, как с облегчением сообщает Павел, «принес нам добрую весть о вере и любви вашей и что вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас, то мы, при всей скорби и нужде нашей утешились вами, братие, ради вашей веры» (3:6–7). Облегчение, испытываемое Павлом, вполне закономерно и понятно, особенно на фоне ситуации в Коринфе, о чём, возможно, напоминают звучащие рефреном строки «в скорбе и нужде нашей», сопровождающие его всю жизнь.

Отрадные вести из Фессалоник вызывают у Павла эмоциональный отклик – молитву благодарствия: «какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою мы радуемся о вас пред Богом нашим, ночь и день всеусердно молясь в том, чтобы видеть лице

ваше и дополнять, чего не доставало вере вашей. Сам же Бог и Отец наш и Господь наш Иисус Христос да управят путь наш к вам» (3:9-11).

Из неё видно, насколько Павел нуждается в позитивности признания трудов своих. Он отказывается в ней от привычной позиции «быть сверху» в общении со своими «собратиями», он готов в своей радости стать с ними вровень, разделить её совместно с ними, забыть на время о «всех скорбях».

Но уже в следующей фразе, пройдя нахлынувшую слабость, он возвращается к исполнению роли наставника: «А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какою мы исполнены к вам, чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святине пред Богом и Отцом нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми. Аминь» (3:12–13). Тон Павла почти официальный, он вновь соблюдает осознаваемую им дистанцию, отделяющую его с собеседниками, и использует полную титулатуру «Бога Отца нашего и Господа нашего Иисуса Христа», о пришествии которого он напоминает в конце каждой главы. По-видимому, напряженно ожидаемым.

Глава 4

Собственно, теперь и совершается переход к содержательной части Послания, после почти ритуального оборота: то, что вы делаете уже – хорошо, но при выполнении наших указаний будете делать ещё лучше. И не сомневаясь, продолжает: «Ибо вы знаете, какие предписания мы дали вам от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше», (4:2–3) – в полном убеждении знания воли Божией, переданной через Господа Иисуса.

Замечание: по поводу «призвал вас Господь в освящении». Сомнительно, чтобы термин «освящение» имел какое-нибудь значимое побуждение. Термин чисто иудейский и имел значение лишь для евреев с их культом чистоты пред принесением жертв в Храм. Для новообращённых христиан «к святости» нужно было ещё прийти, «выстрадать» её принятие. Реальность существования дистанции со своей паствой он чувствовал не вполне.

Для Павла основным знаковым отличием христианина на бытовом уровне являются новые этические принципы общежития между людьми, воспринимаемые в качестве «каждого», но в единстве существования общины («церкви») как целого. Побудительным мотивом к изменениям такого рода является «угождение Богу» согласно тем правилам, «какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса». И новые этические нормы формулируются Павлом по апофатическому принципу: не то, не так, как было. В качестве точки отталкивания естественно выбирается поведение язычников, реальное или предписываемое, но обязательно в негативном ракурсе: «Ибо воля Божия есть освящение свыше, чтобы воздерживались от блуда, чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести и не в страсти похотения, как язычники, не знавшие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво: потому что Господь – мститель за все это» (4:3–6). Собственно, эти заповеди не отличаются от привычных верхозаветных. Да и диктуются они от имени Бога Отца, сохраняющего грозные черты карателя – мстителя за нарушение воли Его. Хотя Павел и передаёт эти функции здесь Господу.

Павел старается привить бывшим язычникам навыки их исполнения не под страхом нарушения воли Божией, но в качестве внутренней добровольности к побуждению их исполнения. Т. е. меняются не сами заповеди, но характер побудительности к их исполнению. Но еврею Павлу напоминание о наказании не кажется излишним. Да и его адресатам оно вполне понятно.

«Ибо призывает нас Бог не к нечистоте, но к святости. Итак, непокорный непокорен не человеку, но Богу, который и дал нам Духа Своего Святого» (4:7–8). Который, заметим, судя по тексту, и является исполнителем воли Бога. Не очень ясного: Отца или Христа, с которым, обычно, связывается Дух Святой.

В своём перечислении заповедей Павел выделяет требование «соблюдать свой сосуд в святости и чести», понимая под последним физическое тело верующего, следуя и здесь правоверному иудаизму. Напомним, что иудеи (и раннее христианство) воскресение воспринимали как совместное: души и тела. Позднейшее христианство призывало «умалить» тело, считая его темницей души. И ещё: речь идёт о соблюдении статуса избранности, общении «с братом своим».

В последующих стихах эта тема распространяется на братию «по всей Македонии», добавлением рекомендаций «стараться о том, чтобы жить тихо, делать своё дело и работать собственными руками по заповедям нашим» (4:9-11). Рекомендации чисто практические, особенно при постоянно возникающих конфликтных ситуациях: не надо давать лишних поводов, «чтобы вы поступали благочинно перед внешними и ни в чем не нуждались» (4:12). Павел здесь предусмотрителен.

И следует неожиданный переход: «не хочу же оставить вас, братие, в поведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды». Возможно, эта проблема и была непосредственным поводом к написанию Послания? Но она поставлена и её разрешение имело, по-видимому, особое значение для осознания своей настоящей и особенно будущей жизни не только для адресата, но и для самого Павла. Судьбы умерших, равно как и живущих, накануне ожидаемого Второго Пришествия Христа будут ли едиными или их ждёт различное будущее? И Павел отвечает с видимой решительностью: «Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с ним» (4:14). Отметим, что приведёт Бог: Иисус выступает в роли сопровождающего. И далее разъясняет порядок очередности воскресения: «Ибо сие говорим вам словом Господним (!? – Ф.Г.), что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что сам Господь при возвращении, при гласе Архангела и трубе Божией сойдёт с Неба, и мёртвые во Христе возникнут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (4:13–17).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.